

Взгляд в прошлое

Владимир Полуэктов

Владимир Полуэктов

Взгляд в прошлое

Возвращение

Владимир Евгеньевич Полуэктов

Владимир Полуэктов

Взгляд в прошлое

Воспоминания

Москва
Возвращение
2011

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
П53

Издано при финансовой поддержке
Благотворительного фонда
Виктора Коновалова
«Территория добра»

*Рукопись подготовили к печати сотрудники
Музея истории освоения и развития
Норильского промышленного района
С.Г. Слесарева (руководитель проекта),
Н.С. Бояркина и Е.В. Синеокова.
В публикации использованы фотографии
из фондов Музея и архива семьи Полуэктовых.*

Полуэктв, Владимир

**П53 Взгляд в прошлое : Воспоминания / Предисловие Л. Назаровой. – М. :
Возвращение, 2011. – 128 с. : ил. – ISBN 978-5-7157-0239-9**

На первый взгляд, воспоминания норильчанина Владимира Полуэктова производят впечатление незавершенности: будто перед нами эпизоды насыщенной драматическими событиями жизни, подготовленные для будущего повествования. Но вчитываясь в них, убеждаешься, что незавершенность мнимая – все главное сказано.

Нельзя не отметить удивительное везение автора, словно кто-то его сохраняет, словно он защищен свыше. Достаточно вспомнить гибель американских альпинистов в горах Кавказа. Полуэктв должен был идти с ними, но остался в Москве – никогда не простужавшийся, он вдруг заболел тяжелой формой ангины. Или другие случаи – когда его чуть не искалечили, чуть не пристрелили...

Записки потомка древнего рода Полуэктовых воссоздают картину ГУЛАГа, большевистской индустриализации, наглядно отражают обесценивание человеческой жизни, небывалое и при крепостном праве. Вместе с тем, большинство персонажей книги – талантливые, достойные люди. Их коллективный портрет оставляет надежду на будущее.

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-7157-0239-9

© Л.Г. Назарова, 2011
© Музей истории НПр, 2011
© Р.М. Сайфулин, оформ., 2011
© Возвращение, 2011

Оглавление

Предисловие	7
<i>Часть I. Происхождение и подготовка к жизни.</i>	19
<i>Часть II. Стройки</i>	29
Магнитострой	29
Прибалхашстрой	45
Московский автозавод	50
Риддерский комбинат	54
Работа в Главредмете	58
Начало войны	59
<i>Часть III. Испытания</i>	65
<i>Часть IV. Моя третья жизнь</i>	77
<i>Лариса Назарова. Предки и потомки</i>	103
Приложение	115

Предисловие

Владимир Евгеньевич Полуэктов (1911–1988) был выдающимся строителем и ученым, он всегда находил смелые инженерные решения, обоснованные теорией, и настойчиво проводил их в жизнь.

Его воспоминания записаны в последний год жизни и отражают его состояние: в начале они – с живыми подробностями и «романтическими» вставками, затем становятся лаконичными и в конце – вымученно-отрывочными, в основном о делах.

Он уже не смог ни откорректировать, ни даже прочитать свои записи, поэтому мне пришлось сделать некоторые вставки и уточнения: с 1952 года мы были вместе, и я была свидетельницей и соучастницей перипетий его жизни.

Мною также дописана последняя глава книги по воспоминаниям родных и по историческим материалам.

Воспоминания Владимира Евгеньевича пронизаны заботой о молодом поколении, желанием передать ему жизнеутверждающий настрой и волю к преодолению трудностей. Пережив страшную эпоху, испытал людскую несправедливость и неволю, он пишет на редкость сдержанно, умалчивая о своей душевной боли.

Человек несгибаемой воли и мужества, таким он оставался до конца.

В детстве Володя, по словам его сестры, был веселым, жизнерадостным мальчиком, непоседой, выдумщиком. Его никто не помнит плачущим. Даже в день одновременного ареста отца и матери, который происходил на его глазах, он нашел в себе силы утешать сестер.

Жизнь очень рано столкнула его с лишениями и горем – умирали близкие, арестовывали родных, в 14 лет он остался без родителей и средств к существованию.

За 36 лет нашей совместной жизни я никогда не видела его растерянным, он всегда был деятельным, проникнут желанием одолеть все трудности.

Мне вспоминается период его работы в службе снегоборьбы.

С сентября 1955 года Володя стал начальником цеха механизированной снегоборьбы и эксплуатации дорог (ЦМСБ). В те годы были страшные бури со снегопадами, совершенно заметало дороги. Однажды, когда мы с ним пробирались с работы домой, началась «черная» пурга. Не в силах противостоять ветру, мы легли на землю и по-пластунски поползли вперед, стараясь защитить глаза. Ветер продувал одежду насквозь, снежные иголки кололи лицо, склеивали ресницы, щеки покрылись коркой льда.

В такие дни не работали заводы и учреждения, стояли автобусы, люди сидели по домам. Внезапно налетевшая пурга останавливала машины, которые заносились с крышей, в автобусах замерзали люди. Однажды из Норильска в поселок Кайеркан ехала женщина, которая везла детское питание из молочной кухни для своего малыша. Внезапно налетела пурга, автобус встал, не доехав до остановки менее сотни метров. Женщина вышла и, ничего не видя перед собой в снежной мгле, пошла в другую сторону. Через несколько дней ее откопали из сугроба замерзшей, прижимающей к груди бутылочки с молоком...

В пургу днем и ночью Владимир по телефону отслеживал обстановку на всех дорожных участках и в критических ситуациях спешил на выручку. В его машине был радиотелефон, по которому он переговаривался с дежурными на участках и с бульдозеристами. Когда его машина застревала, он на бульдозере пробивался на занесенные участки дороги, организовывал работу, выручал людей и машины.

Пожалуй, это было лучшее время в его жизни. В борьбе со стихией проявлялся его характер. Когда его спрашивали: «Чем вам нравится Норильск?» – он отвечал: «Погодой».

Первые годы после моего переезда в Норильск Владимир руководил участком отделочных работ и делал это с увлечением. Мы любовались, когда в первые теплые солнечные дни в начале июня на улицах закипала работа, все дома одевались в нарядные, яркие и чистые одежды, и сразу весь город преображался.

Позже, когда он занимался строительством жилых домов в городской части Норильска (большинство населения жило еще в поселке), он каждую ночь обходил свои объекты, проверял дежурных. Часто, возвращаясь из кино домой, с последнего сеанса, мы вместе заходили на стройплощадку (при этом я дрожала от страха: в то время город кишел выпущенными из лагеря бандитами). Днем во время работы заключенных на стройплощадку никого из посторонних не допускали...

Мы шли в подъезд, где размещалась его контора, и он проверял по журналу, как идет схватывание бетона и не следует ли изменить режим электропрогрева. Однажды дежурного не оказалось на месте, а на его столе лежала записка с перечнем девочек, с которыми он хотел танцевать в этот вечер. Владимир сам остался работать, пока не вернулся этот дежурный – Коля Мельников, впоследствии мой студент и известный строитель Норильска. Его четыре сына занимались у меня и кончили институт...

Как-то после вечернего спектакля мы шли из театра мимо строительного участка, где возводили коллектор. Работала ночная смена заключенных под охраной солдата. Владимир уверенно перешагнул через вырытую канаву и обратился к бригадиру, чтобы выяснить какой-то рабочий вопрос, и тут вдруг раздалась автоматная очередь и у его ног брызнул снег: вохровец чего-то испугался, хотя знал его, вольнонаемного инженера, в лицо. Владимир Евгеньевич повернулся к охраннику спиной, поговорил с бригадиром и возвратился к нам, вслед ему неслась нецензурная брань вохровца. Люди, вышедшие из театра, слышали выстрелы и возбужденно обсуждали случившееся.

Владимир Евгеньевич, вспомнил, что раньше на этом месте при строительстве здания театра работал актер Иннокентий Смоктуновский.

В период освоения строительства на свайных фундаментах необходимо было проведение экспериментальных работ и создание технологии их возведения на вечномёрзлых грунтах. Встал вопрос об образовании специализированного управления «Фундаментстрой». Во главе его поставили Владимира Евгеньевича. Здесь он столкнулся с массой трудностей, но все же дело пошло.

Владимир Евгеньевич имел уникальные способности. Помню, в Норильск приехала Государственная комиссия по приему кандидатских экзаменов. Мы – компания из четырех человек – днем слушали лекции (с отрывом от производства), а вечером по очереди читали вслух конспекты, обсуждали и старались запомнить. Готовили философию. Владимир Евгеньевич не собирался сдавать экзамены, он сидел за письменным столом в соседней комнате и через открытую дверь поневоле слышал наши голоса.

Мы очень удивились, когда он пришел на экзамен, вытянул билет и сел готовиться. Он прекрасно ответил на все вопросы безо всякой нашей помощи, а мы в панике за дверью срочно готовили ему шпаргалку. На экзамене по иностранному языку он поразил не только студентов, но и преподавателей: войдя в зал, он на трех языках бегло спросил: «На каком языке сдавать?» И стал разговаривать по очереди с каждым из трех преподавателей. Несмотря на отсутствие обязательных письменных переводов текстов, он сдал экзамен на пятерку. Это была откровенная дерзость с его стороны, ведь со времен Магнитки, где он занимался переводами, прошло тридцать лет.

За три-четыре года до приезда этой комиссии, принимавшей кандидатские экзамены, в Норильске побывал представитель Госстроя с задачей разбудить научный потенциал на Севере. В городе собрали группу, в которой были оформлены официально «соискатели», и для них организовали курсы по подготовке кандидатских экзаменов по языку и философии. Владимир Евгеньевич решил, что в интересах дела надо получить ученую степень, но у него не приняли документы, так как он окончил институт без защиты диплома, который к нашему времени стал обязательным. Он пытался получить в Минвузе разрешение на защиту диплома, но, увы, давность

лет... Тогда он решил снова поступить в заочный институт и заново его окончить.

Однако для зачисления в институт нужен был аттестат об окончании средней школы.

Он запросил архивы, ему ответили, что во время войны документы сгорели. Что было делать? Казалось, сожжены все мосты. Однако не таков был наш Владимир. Недолго думая, он взял учебники и стал готовиться к сдаче экзаменов за среднюю школу экстерном. Конечно, он многое успел забыть, да и программы стали сложнее, поэтому ему пришлось по основным предметам взять несколько частных уроков. За ползими он сумел подготовиться к экзаменам за среднюю школу и сдать вступительные экзамены в институт. Нужно иметь сильный характер, настойчивость и незаурядные способности, чтобы проделать такое в 49 лет...

Неординарность делала его фигуру несколько одиозной; ему завидовали, и находились явные и скрытые недоброжелатели. Тем более что он был единственным беспартийным руководителем в городе, к тому же бывший политзаключенный, как тогда говорили, «враг народа».

Однажды на строительстве Снежногорска забастовали бригады. В них было много бывших заключенных уголовников. Все боялись уголовников, было неясно, чего они хотят и насколько агрессивны они настроены. Горком не нашел лучшего выхода, как послать Владимира Евгеньевича для их усмирения и переговоров. Он сразу же вылетел на гидросамолете в этот изолированный от всего мира поселок в горах и через два дня вернулся. Он рассказал, как выстроившиеся против него во фронт забастовщики стали предъявлять ему требования. Он выделил главные, договорился по телефону с начальством об их удовлетворении, в частности о присылке банок свиной тушенки вместо крабов, которых они с отвращением отвергали. Затем подробно и уважительно поговорил с людьми, снял накал страстей, и конфликт был улажен. Вернулся довольный, с полным рюкзаком деликатесных крабов.

Недоброжелательство мы чувствовали интуитивно – до поры до времени оно было скрытым. В 1957 году благодаря работе организованного Владимиром Евгеньевичем цеха

снегоборьбы стало ясно, что город проживет и без труда привычных здесь заключенных и что старого не вернуть – а это нравилось далеко не всем. Против Владимира Евгеньевича начали действовать активно: к нему в контору то ли устроился на какую-то скромную должность по собственной инициативе, то ли был подослан Провоторов (в прошлом офицер, работник Норильского лагеря), который скрытно стал собирать компрометирующие материалы. Все были мелочи – то кому-то что-то сказали, то кто-то между собой поссорился... При энтузиасте-руководителе работа спорилась, все были дружны, активны, все делалось разумно и никаких существенных нарушений закона не было. Однако Провоторов все же нашел к чему придраться.

В Норильске существовал порядок, согласно которому выписывать новые запасные части к механизмам нужно было за год с учетом завоза в следующую навигацию. Однако по положению министерства выписывать новые запчасти можно лишь при отсутствии запчастей на складе. Дальность и длительность перевозки не учитывались. Чтобы механизмы не простаивали, главный инженер конторы списал запасные части с общего склада на склады участков и подал заявку в назначенный срок. Провоторов сразу же донес о формальном нарушении, и машина закрутилась. Главного инженера стали без конца вызывать на допросы в милицию, в конторе воцарилось беспокойство, нарушился ритм работы. Для выяснения причины допросов Владимир Евгеньевич сам пошел в милицию и оказался в пасти льва. Его моментально задержали и посадили в кутузку, где продержали двое суток вместе с уголовниками, пока под давлением директора комбината В.Б. Дроздова и секретаря горкома Х.М. Савчука прокурор не приказал его выпустить.

А на свободе дела разворачивались так. Я была обеспокоена отсутствием звонков от мужа в течение дня, но, ничего плохого не подозревая, сидела на заседании исполкома горсовета – сбоку от длинного стола заседаний на диване у стены. Рядом со мной был прокурор города, который как-то странно отстранился от меня и сидел с отчужденным лицом. Видимо, так следовало держать себя с женой преступника. В перерыве я пошла к себе в кабинет (я работала главным

архитектором города) и увидела, что меня ждет какой-то незнакомец. Он показал мне красную книжечку и предложил поехать домой, где он должен произвести обыск. Во время обыска наши соседи, приглашенные понятыми, заподозрили неладное, стали звонить и вызывать милицию, решив, что это орудуют воры – из шкафов было выброшено белье, одежда, письма, бумаги. Обыскивавший все внимательно прочел и забрал по акту – 75 рублей денег, кольцо, коробочку из-под кольца, которые потом вернули, правда, никаких извинений я не слышала. Естественно, что запчастей бульдозеров в квартире обнаружено не было.

Несмотря на нелепость обвинения, материалы следствия были переданы в суд. В зале суда я сидела позади Владимира Евгеньевича, успокаивала, поглаживая его спину и сжимая руку. Сама же обмирала от стыда и страха... А работа шла своим чередом, и в зал ему приносили на подпись какие-то бумаги.

Хотя в материалах дела не была доказана корысть в спииании запчастей бульдозеров, помощник прокурора выступил с большой речью и потребовал наказания – 10 лет лишения свободы. Суд удалился на совещание. Нас отпустили на полтора часа, и мы ушли домой. Настроение было отчаянное, мы повалились плашмя на диван и тихо разговаривали, стараясь поддержать настроение друг друга. Тогда нам показалась, что началась новая кампания арестов, вернулся 37-й год. Когда мы приехали в суд, приговор уже был зачитан, и мы узнали, что «дали два года условно». Этот приговор через полгода был отменен, и ни на деловое положение Володи, ни на его отношения с людьми не оказал влияния. Как ни странно, но судья, помощник прокурора и два следователя вели себя как наши «лучшие друзья»: когда мы летом поехали в санаторий в Сочи, они старались с нами подружиться: ходили вместе купаться, в ресторан, гулять и с цветами провожали нас на поезд. Происшедшее они объяснили своей подчиненностью секретарю партячейки. Они говорили, что понимают смехотворность обвинения и сами сочиняли для нас заявления о пересмотре дела. Старший следователь Бонк, маленького роста, очень живой человек не без обаяния (мы работали на одном этаже в соседних кабинетах), часто во время

следствия и суда и после «по-товарищески» заходил «поболтать» ко мне – видимо, надеялся извлечь из наших разговоров какой-то дополнительный «криминальный материал».

Вскоре после этого процесса, а также нескольких других скандальных дел, в том числе одного, связанного с ложным обвинением человека в убийстве, этого следователя и прокурора выдворили из города. Они уехали, и через пару лет стало известно, что Бонк арестован и судим за спекуляцию автомашинами в особо крупных размерах.

Я работала в здании, где были сосредоточены все административные учреждения (сейчас они помещаются во многих зданиях, так как их численность все время растет), а тогда все сидели в комнатах, выходящих в общий коридор, и общались между собой. Не могу не вспомнить с благодарностью теплое дружеское участие в тяжелые для меня дни Александра Савельевича Котляра, который очень тепло говорил о Володе – лил бальзам на душу...

Однако нравились мы не всем, кое-кого и раздражали. Один журналист, некий Жуков, собрал против нас материал, и вдруг в местной газете «Заполярная правда» появился злой фельетон, вернее пасквиль в наш адрес. В нем высмеивалась наша семья и то, что мы гуляли с двумя собаками (у нас тогда еще не было детей), «как Троекуровы». То, что мы материально поддержали нескольких освободившихся из лагеря и позволили им пожить временно в нашей квартире, было истолковано как эксплуатация посторонних людей и т. п. Этот фельетон мы с Владимиром очень тяжело переживали, хоть не показывали виду. У нас было много друзей, которые часто приходили к нам в дом, где устраивались творческие вечера: играли – я на рояле, инженер Лернер на скрипке, Ванда Антоновна Савнер, приехавшая к своему ссыльному мужу, оперная певица – пела, инженер Тарновский читал стихи, его жена балерина Евгения Спиридонова танцевала сольные пластические танцы, Володя пел. У него был красивый звучный баритон, но слегка подводил слух. В дом приглашались актеры. Летом ездили за город на пикники, весной – на лыжах. В Новый год мы устраивали домашние костюмированные балы в смешных масках – словом, веселились и общались с интересными интеллигентными людьми. Дружили

с семьей Косарева (бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ) и многими другими. Владимир всегда был душой общества, он острил, рассказывал свои приключения, я готовила угощения.

Жизнь – полосатая зебра, об этом она нам напоминала постоянно.

Во время подготовки Владимира к защите диссертации, нашелся молодой карьерист, который приехал из Москвы, как он признавался, для того, чтобы быстро собрать материалы для докторской диссертации. Проще всего это было сделать, воспользовавшись многолетними исследованиями Владимира Евгеньевича. Для того чтоб покорить нашего «мустанга», был применен целый арсенал средств: подметные письма, вымогательства; взятки, официальные обвинения в плагиате. Словом, нервотрепка в течение трех-четырёх лет. В конце концов, вся шелуха отлетела, осталась прекрасная научная работа, которую Владимир Евгеньевич с блеском защитил. В этот период он увлекался научными исследованиями и перешел в норильский научно-исследовательский отдел на роль заведующего лабораторией оснований и фундаментов.

В последующие двадцать лет, он занял одно из ведущих мест в Союзе в области фундаментостроения на Крайнем Севере. Его работы по теории и практике борьбы со снежной стихией, по совершенствованию фундаментных конструкций и их устройству, по конструкции фундаментов под мощные опоры, по новым методам исследования несущей способности свай на вечномёрзлых грунтах и многое другое нашли реальное воплощение в застройке Норильска и принесли многомиллионный экономический эффект. Им написаны три книги и множество статей, часть которых перепечатана в зарубежных технических журналах.

Требовательность к себе, научная добросовестность и государственный подход, неумная энергия и огромное жизнелюбие снискали ему любовь окружающих.

Характер сложный и яркий – весельчак с раскатистым, заразительным смехом, творящий добро. Принципиальный в делах, он не отступал от того, что считал верным, ни на шаг, становился упрямым, ершистым. Для него были характерны и необузданные импульсные поступки, и высказывания без

«дипломатии», и нестигаемая воля. Он никогда не отступал от принятых однажды решений, принимал он их обоснованно, и потом твердо стоял на своей позиции.

Мне кажется, что в характере его сочетались наследственные черты его предков – по отцу он из древнего дворянского рода. Его мать – дочь владельца серпуховской мануфактуры Н.Н. Коншина. Интеллект и артистизм аристократа были обогащены сильными генами предприимчивых русских людей из купеческого сословия, создателей отечественной мануфактуры. Все эти люди были носителями традиционной российской христианской культуры. Среди них было много славных имен, в их числе шахматист Алехин.

Характерно то, что из всей многочисленной родни Владимира немногие покинули страну после революции, почти все остались на Родине, разделив ее судьбу.

Володе было всего семь лет, когда арестовали и расстреляли его шестнадцатилетнего брата Григория, второй брат умер молодым. Одного за другим в доме арестовывали родственников, отца – семь раз, маму дважды.

Характеризуя человеческие качества Владимира Евгеньевича, нельзя не упомянуть о его постоянной готовности к самообороне и к защите слабых.

Лариса Назарова

Часть I

Происхождение
и подготовка к жизни

Происхождение

Мой дед Григорий Семенович Полуэктов происходил из обедневшей дворянской семьи, имеющей восьмисотлетнюю историю. Он был адмиралом, а выйдя в отставку, служил при дворе Великого князя Константина Николаевича, командующего военно-морскими силами России, а впоследствии и его сына Константина Константиновича, президента Императорской Академии наук, поэта. Григорий Семенович заведовал их библиотекой и жил со своей семьей в Мраморном дворце, на берегу Невы.

Женился он на красивой девушке Софье – сироте, которая вместе со своей сестрой находилась под опекой царицы Марии Федоровны и была принята при дворе. Семейное предание гласит, что однажды на дворцовом балу какой-то офицер оскорбительно высказался в адрес Софьи, а дед вступился за ее честь, вызвал на дуэль обидчика, бился с ним и женился на бедной девушке.

У них было четыре дочери и три сына: старшая дочь Татьяна Григорьевна, крестница Александра II и графини Нессельроде, фрейлины двора, вышла замуж за Николая Ивановича Прохорова, владельца одной из первых в России мануфактурных фабрик «Трехгорки» (они оставили после себя многочисленное потомство); вторая дочь Александра Григорьевна, моя крестная мать, была замужем за Тимашевым-Берингом, потомком мореплавателя и географа Витуса Беринга (после смерти мужа она открыла и содержала женскую гимназию, а после трагической смерти сына Алексея постриглась в монахини, впоследствии она сделалась настоятельницей Орловского монастыря, в 1939 году была арестована и погиб-

ла в тюрьме); третья дочь Елена Григорьевна вышла замуж за купца Лямина, владельца конного завода и мануфактуры, ставшего в 1871 году городским головой Москвы; четвертая дочь Софья не была замужем и посвятила свою жизнь помощи бедным и больным людям. Обе они уехали в Париж, где прожили до конца своей жизни; старший брат отца Вячеслав Григорьевич был хирургом, жил в Москве в квартире в Долгом переулке (ныне улица Бурденко), куда после революции собрались многочисленные родственники и жили, помогая друг другу; второй брат отца Вадим Григорьевич, будучи военным инженером-путейцем, погиб в японскую войну 1904 года при нападении на его дрезину хунхузов*.

Мой отец Евгений Григорьевич (1877 года рождения) был младшим сыном. Детство его прошло в Мраморном дворце. Семейное придание сохранило воспоминание о том, как неохотно он шел по утрам в школу и садился на каждой ступеньке парадной лестницы, а сестры сгоняли его веником. Впоследствии он закончил Санкт-Петербургский правоведческий корпус и был участником двух войн: русско-японской – в качестве вольноопределяющегося, и германской 1914 года – в чине полковника юридической службы.

В мирное время он содержал нотариальную контору в центре Москвы, которая находилась между Историческим музеем и Иверской часовней.

Благодаря исключительной порядочности отца, контора пользовалась у деловых людей Москвы доверием. Будучи убежденным монархистом, он допускал в своей конторе собрания большевиков, проводимых его помощником Дьяковым. Это обстоятельство помогло ему освободиться при одном из его арестов после революции. Следует сказать, что он принципиально не скрывал своих политических воззрений и никогда им не изменял. Впоследствии при моем аресте следователь показал мне дело отца, состоящее из 15 страниц, в качестве примера откровенности и глубокой порядочности (для того чтобы я следовал его примеру и признался в своей якобы антисоветской деятельности). После революции отец

* Хунхузы (от кит. хунхуцзы, буквально – краснобородый) – участники вооруженных банд в Маньчжурии с середины XIX в. до 1949 г.

работал юрисконсультom и подвергался гонениям. Но я помню его всегда подтянутым, негнибаемым в своей сути; внешне он всегда оставался обаятельным с неизменно хорошими манерами и характером.

Моя мама Капитолина Николаевна, урожденная Коншина (1876 года рождения), была внучкой основателя мануфактурного дела в Серпухове. У него было девять детей, среди которых – дочь Евгения, вышедшая замуж за хирурга Сергея Петровича Федорова, замечательную личность, которого воспроизвел А. Бек в рассказе «Счастливая рука».

Отец моей матери Николай Николаевич, имел пятерых детей: моя мать Капитолина, Ольга, Николай, Александр и Нина, в замужестве Колосова. Все мои дядья и тетки имели непохожие, но в основном трагические судьбы. Так Александр Николаевич погиб в катастрофе на автомобильных гонках, Ольга Николаевна умерла в 43 года на операционном столе, дядя Николай Николаевич младший и его жена Екатерина Петровна Рубен имели четырех сыновей, друзей моего детства, которых в 1929 году одновременно арестовали в нашей квартире. Одного из них – Николая отправили в Соловки, где он был в 1941 году расстрелян при ликвидации каждого десятого заключенного в строю. Младшая сестра моей матери Нина Николаевна имела сына Романа, который тоже был арестован в нашем доме (вместе с четырьмя братьями), а дочь ее Наташа, красотой которой я всегда любовался, рано умерла от туберкулеза. Роман впоследствии вернулся в Москву, где жил и работал. Умер он уже в пятидесятые годы.

Мама моя была дважды арестована и отправлена в ссылку. Она была очень энергичной, предприимчивой женщиной. Оставшись одна, в перерыве между арестами она организовала комиссионный магазин на Арбате, который существует до сих пор, и руководила им, а затем участвовала в содержании кооперативного кафе на Пречистенском (Гоголевском) бульваре.

Несмотря на тяжелую жизнь и переживания, мать дожила до глубокой старости, почитаемая родственниками и окружающими, она имела хорошее здоровье и ясный ум. В день ее девяностолетия пришло более ста поздравитель-

ных телеграмм и потом еще целую неделю приходили к ней друзья и знакомые.

Многие годы, бывая в Москве наездами, я первым делом прихожу на могилу матери, приношу ей память сердца и сыновью любовь. Мне бы очень хотелось, чтобы мои потомки, посещая наш семейный некрополь, не проходили равнодушно мимо старых могил. Они увидят там родные имена, и за каждым из них – единственная, неповторимая и кровно близкая нам жизнь.

Наша семья

Моя мать вышла замуж за отца будучи вдовой с тремя детьми – сыновьями Андреем и Григорием и дочерью Татьяной. Затем родилась моя сестра Ирина, а в декабре 1910 года по старому стилю – 9 января 1911 года по новому – родился самый младший в семье – я.

В первые годы около меня была няня, которая всю свою жизнь провела в нашей семье (вырастила и нашу маму). Много лет спустя академик Сперанский вспоминал, как он, будучи нашим домашним врачом, перенял у няни народный способ применения овсяного отвара для кормления маленьких детей. Я часто простужался и болел лет до трех или четырех. Затем по совету врача с меня сняли шарфы, поставили на лыжи, и все как рукой сняло. Впоследствии я никогда не кутался и никогда ничем не болел.

Няню сменила прибалтийская немка, мы называли ее Фрейлин, она много сил потратила на обуздание моего буйного характера, держала меня со всей строгостью и приучила к дисциплине и ежедневным обливаниям холодной водой, что я делаю до сих пор. В детстве я ее очень не любил, а потом был благодарен всю жизнь. В семье старшие занимались французским и английским языками, я крутился возле них и все легко воспринимал на слух, что мне очень пригодилось в моей дальнейшей жизни. Мой старший брат Григорий был расстрелян в 1920 году шестнадцатилетним юношей, второй брат Андрей женатый на правнучке А.С. Пушкина Наталье

Сергеевне Мезенцевой, имел слабое здоровье и умер молодым. Я очень дружен со своими сестрами и люблю их детей, моего племянника Алексея и племянниц Машу, Настю и Ольгу, теперь уже взрослых. Все они, несмотря на очень тяжелое детство (отец был арестован) и сильную нужду, получили хорошее воспитание, образование и достигли, каждый в своей области, больших научных успехов.

В Москве мы снимали особняк в Чистом переулке рядом с Кропоткинской улицей. При доме был прекрасный сад с цветниками, в котором играли дети и любили собираться взрослые еще со времен молодости родителей. Нашими соседями были интересные люди: князь Кропоткин, народо-вольцы Соколов, Софья Перовская, Вера Засулич и другие. Неподалеку от нашего дома жила сестра матери Александра Николаевна Коншина в собственном красивом особняке, в котором ныне размещается Дом ученых. Мой отец работал нотариусом, имел неплохой заработок и за этот период он приобрел небольшое имение Ромаданово на берегу Оки напротив Калуги, а также автомобиль «Минерва» и моторную лодку. Так что в раннем детстве каждое лето я вместе с моими многочисленными родными и двоюродными братьями и сестрами проводил на природе.

После революции мою мать дважды арестовывали с последующей высылкой вместе с отцом. В первый раз в Тверь, а во второй – в Вологду. Отца седьмой и последний раз арестовали в 1937 году в Вологде, после чего он без вести пропал и, как впоследствии выяснилось, был утоплен в барже недалеко от Мурманска в числе тысячи других заключенных. После смерти Сталина отец и мать были реабилитированы (отец посмертно).

Детство и отрочество

Вспоминаю свое детство: веселые игры, беготню, домашние занятия, себя на коленях у деда Николая Николаевича Коншина, который всегда по праздникам собирал свое многочисленное потомство: детей, внуков и правнуков

и одаривал нас. Меня особенно баловали, как самого младшего ребенка среди всей родни. Дедушка жил в собственном особняке (выстроенном в 1888 году) в Калашном переулке между Арбатской площадью и Никитской улицей, который сохранился до сих пор, а ныне в нем располагается посольство Японии.

В 1918 году я поступил в школу и одновременно в отряд бойскаутов, в котором прошел хорошую спортивную и жизненную подготовку (пока его не запретили).

Тем временем в нашем московском доме происходили драматические события: наши родственники, потеряв свое имущество, собрались в доме моих родителей, их всех постепенно арестовывали, а освободившиеся комнаты занимались семьями работников НКВД. Всего было арестовано семь человек.

В 1924 году при мне были арестованы мои родители. Не бросая учебу, я стал разносчиком журналов и книг издательства Мосгиз. В 1926 году я поступил на курсы при институте иностранных языков на Остоженке, которые, благодаря хорошей домашней подготовке в детстве, успешно закончил в 1930 году по трем языкам – английскому, французскому и немецкому.

Одновременно с учебой на курсах, я поступил в спортивный клуб Хительмас, где занимался боксом вместе с союзными чемпионами Михайловым, Ивановым, Кунициным. У нас был замечательный тренер Готье. Принимая меня и других в новую группу, он выстроил нас в шеренгу и нанес каждому по сильному удару перчаткой, после чего спросил: «Кто теперь хочет заниматься боксом?» Из двадцати поступающих желающих оказалось только восемь.

В течение двух первых лет упорных занятий боксом я достиг первого разряда и даже на всесоюзном соревновании, состоявшемся в здании Госцирка, сумел победить ленинградского чемпиона в среднем весе Брауна. Эта нелегкая победа досталась мне благодаря принятой хитрой стратегии изматывания противника: в течение первых двух раундов я притворялся усталым и измотанным. Кроме того, я измазал себя кровью из носа Брауна до такого вида, что

публика требовала прекратить избиение... Я же, отдохнув перед третьим раундом и смыв с себя чужую кровь, совершенно бодрым вскочил, начал энергично атаковать уставшего противника, загоняя его в угол ринга, и под гром аплодисментов нанес ему два нокаута. Эту победу я одержал по очкам. Одновременно с боксом я занимался горнолыжным спортом на Воробьевых горах, а летом – плаванием в Москве-реке.

По окончании курсов в 1930 году, мне, 19-летнему, дали направление на Магнитострой техническим переводчиком. Одновременно я получил предложение ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей) сопровождать в качестве спортсмена-переводчика группу американских альпинистов во главе с племянником президента Герберта Гувера при восхождении на Эльбрус. Я дал согласие, договорился об отсрочке командировки на Магнитку на один месяц, но тут произошло исключительное: купавшийся ежедневно в Москве-реке и ранее никогда не простужавшийся, я заболел вдруг ангиной с температурой 40°. Альпинисты, прождав меня три дня, уехали с другим сопровождающим. Через пару дней я сел в поезд, идущий на Магнитку, и еще в пути 10 июня 1930 года прочел в газете о трагической гибели под снежным обвалом этой группы альпинистов на Эльбрусе.

Впоследствии, работая на строительстве Тырныаузского комбината в Баксанском ущелье, я посетил место своей возможной гибели и могилы всех погибших, кроме племянника президента, тело которого вывезли в Америку. Этот случай заставил меня поверить в Судьбу.

Часть II

Стройки

Магнитострой

История

Магнитострой и Кузнецкстрой рассматривались в то время как единый комплекс, при этом имелся в виду обмен кузнецкого угля для коксовых батарей Магнитки на ее высококачественную руду. Этот обмен осуществлялся на специально оборудованных железнодорожных составах, курсировавших по замкнутому маршруту.

По первоначальному проекту Магнитогорский комбинат состоял из рудника открытых работ на горе Магнитной, обогатительной фабрики, доменного, мартеновского, прокатного и коксохимических цехов, теплоэлектростанции, плотины на реке Урал и соцгорода. Комбинат располагался на левом берегу Урала, поблизости от села Магнитного, основанного уральскими казаками – участниками экспедиционного корпуса русской армии в 1814 году во Франции. Этим обстоятельством объясняются французские названия ряда прилегающих сел: Париж, Фонтенбло...

Сама площадка Магнитостроя была голой степью с единственной возвышенностью – горой Магнитной.

На день моего приезда станция Магнитогорск представляла собой простой деревянный барак. Возле заводской площадки были построены здания заводууправления и пятиэтажной гостиницы. Для американских и других иностранных специалистов в шести километрах от промплощадки в ущелье с единственной березовой рощей на склоне отрогов горы Магнитной был построен поселок под названием Березки,

состоявший из двух гостиниц и коттеджей. В одной из гостиниц меня и поселили. Все рабочие и технический персонал в основном жили в бараках на различных участках. Были уже начаты подготовительные работы по руднику, и велось строительство плотины длиной в 1000 метров на реке Урал. Кроме того, строились жилые дома соцгорода. На месте будущего доменного цеха еще стояли башкирские юрты и паслись лошади и верблюды.

Значительный интерес представляло собой строительство отдельных объектов: по плотине земляные работы выполнялись исключительно вручную силами грабарей – семейными артелями с конными повозками гробовидной формы, перемещающими землю. В этих артелях труд распределялся так: разработку и погрузку вели мужчины-землекопы, а разгрузку – женщины и дети, сопровождающие их конные повозки. Стоимость разработки грунта при этом была в два-три раза ниже экскаваторной. Бетон развозился в тачках и укладывался вручную.

В соцгороде строились первые так называемые «социалистические дома», запроектированные немецким бюро Хоннеса Мейера под идеологическим контролем Л.М. Кагановича, в которых были предусмотрены коллективные комнаты для сна, занятий и питания. Они были с такими узкими лестничными клетками, что покойников в гробах (когда случалось такое) приходилось выносить вертикально. Слава богу, вскоре стали возводить дома нормальной планировки.

Доменный цех создавался по проекту американской фирмы «Мак-Кей», под руководством ее специалистов. В цехе было восемь печей, каждая производительностью восемь тысяч тонн в сутки. Все стальные конструкции были клепаные. Параллельно доменному цеху располагались коксовые батареи – по две батареи против каждой двух питаемых ими доменных печей. В связи с тем, что доменный цех был запроектирован на пологом склоне горы, строительство первых печей и батарей потребовало срезки грунта до трех метров. Строительство коксовых батарей выполнялось не Магнитостроем, а другой организацией, Востоккоксом, которая для ускорения начала строительство первой очереди

не с первого порядкового номера, а вопреки технологической схеме с последнего, не требующего большого объема земляных работ. Это обстоятельство привело к тому, что впоследствии, при пуске первых доменных печей, вместо непосредственной подачи кокса от первых батарей к первым доменным печам его пришлось транспортировать многосекционными ленточными транспортерами на расстояние до трехсот метров. Это осложняло работу, вело к частым простоям из-за поломок отдельных секций транспортеров и замерзания лент зимой.

Техническое руководство строительством помимо иностранных специалистов осуществлялось крупнейшими отечественными инженерами.

С 1930 года в Магнитогорске стал функционировать вечерний филиал Свердловского политехнического института с горным, металлургическим и строительным факультетами, где преподавали опытные специалисты комбината.

Координацией работ всех иностранных специалистов и их обслуживанием занимался иностранный отдел Магнитостроя, в котором я был старшим техническим переводчиком при американской фирме «Мак-Кей» – «Макки», как мы ее называли; на меня была возложена обязанность участвовать в качестве переводчика на всех технических совещаниях с иностранными специалистами четырех национальностей – американцами, англичанами, немцами и французами. Переводить приходилось не только с русского на иностранный язык, но и с одного иностранного языка на другой. Поняв, что без знания технических проблем такая работа невозможна, я вскоре поступил на строительное отделение вечернего политехнического института.

Сложность моей работы усугублялась тем, что вся техническая документация иностранных фирм поступала на их языке, а также тем, что очень часто наши русские специалисты не соблюдали требования иностранных представителей. В связи с этим на меня возложили дополнительную нагрузку – контроль за выполнением требований, что очень часто осложняло мои отношения с той из сторон, которую я считал неправой. Облегчало же мою работу то, что под моим кон-

тролем находились три автомашины «Форд», обслуживающие американскую фирму «Макки».

Характерным примером разногласий иностранных специалистов с нашими было строительство ТЭЦ, когда наши решили воздвигнуть железобетонный каркас здания в зимнее время без тепляков, руководствуясь теоретическим расчетом, основанным на том, что повышенная вдвое проектная марка бетона после замораживания при оттаивании наберет проектную прочность. Иностранцы были категорически против; их правота подтвердилась, когда после оттаивания обрушилась часть каркаса здания.

Детективная вставка

По своей работе мне пришлось невольно два раза принимать участие в работе нашей контрразведки.

Так, при встрече в поезде «крупный» немецкий специалист Шульц, приехавший по индивидуальному договору, дал мне понять, что совершенно не знает русского языка и нуждается в постоянном переводчике. Каково же было мое удивление, когда я увидел его на стройке, разговаривающим с нашим бригадиром на чистейшем русском языке. Последующая проверка показала, что он немецкий разведчик. После чего он был немедленно выдворен с Магнитки.

Второй случай имел место при пуске первой доменной печи в начале 1932 года. Мне позвонил начальник строительства Гугель и сказал, что, как только что выяснилось, к нам в поезде из Челябинска неофициально едут два представителя японского посольства и что моя задача их встретить вместе с начальником ОГПУ Розовым, проводить в приготовленный для них коттедж, а затем участвовать в устроенном для них банкете. После чего, обязательно в темное время – чтобы они не видели наших беспорядков, – я должен был показать им стройплощадку.

Подъехав на машине к международному вагону поезда, мы не обнаружили никаких японцев, пока один из сотрудников Розова не сообщил нам, что они вышли из бесплацкарт-

Евгений Григорьевич Полуэктов.
Конец 90-х годов XIX века

Капитолина Николаевна Полуэктова
(Коншина). Конец 90-х годов
XIX века

Евгений Григорьевич Полуэктов с Володией перед отъездом на войну. 1914 год

Володя Полуэктов. 5 лет

Автомобиль «Минерва»

Андрей, Григорий, Татьяна, Ирина и Володя Полуэктовы

Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), командующий военно-морскими силами России

Константин Константинович Романов (1858–1915), великий князь, поэт, президент Императорской академии наук; поэтический псевдоним К.Р.

Сергей Петрович Федоров (1869–1936), лейб-хирург царской семьи. Начало XX века

ного вагона. Когда мы к ним подошли, я по-английски объявил, что мы встречаем их на машине и приглашаем поехать на подготовленную квартиру. Они спросили меня, не говорю ли я по-русски и на чисто русском языке выразили удивление нашей встрече, поскольку они никого не уведомляли о своем приезде. Отказавшись вдаваться в подробности, мы им сказали, что мы имеем приказ их встретить и предлагаем сесть в машину. Они представились нам: один военным атташе, другой – секретарем японского посольства.

Мы проводили их в гостиницу и пригласили на ужин. Они были с нами весьма любезны и подарили свои журналы. За обильным ужином мы безуспешно старались их подпойть, но они чокались, мило улыбались и только пригубляли свои рюмки. Во время ужина в окно было видно зарево от выпущенного из домны чугуна. Сославшись на исключительно интересное зрелище, мы предложили им поехать на заводскую стройплощадку, не дожидаясь утра, но они, мотивируя сильной усталостью, категорически отказались. Доложив Гугелю по телефону о создавшейся ситуации, мы получили указание сопровождать японцев на следующее утро по менее беспорядочным местам.

Назавтра мы поехали в доменный цех. Его начальник предложил посмотреть плавку чугуна. И тут мы оконфузились: неопытные доменщики, не дождавшись железнодоменных ковшей, выпустили чугун прямо на снег, что вызвало многочисленные жуткие взрывы... Расплавленный чугун потек во все стороны, а японцы вместе с нами стояли, не укрываясь, в самом опасном месте и внимательно наблюдали за происходящим... Потом мы повели японцев по горным работкам и в этот же день посадили их в поезд.

Первый отпуск в Гаграх. 1931 год

В Гаграх я отдыхал в октябре вместе с моим приятелем Иваном Артоболовским, будущим академиком, на даче моего дядюшки Сергея Петровича Федорова. Надо сказать, что его дача, по существу красивая вилла, возвышается над ста-

рым парком и до сих пор является достопримечательностью Гагр. Туда часто приезжали гости, бывали интересные люди. Экскурсоводы, проводя группы туристов через парк Старые Гагры, до сих пор останавливаются под ней и рассказывают о хирурге Федорове и его деятельности.

С наступлением лунных ночей мне очень захотелось романтических переживаний, но соответствующих партнерш не находилось. Однажды я шел по парку на теннисную площадку и увидел впереди себя мужчину и женщину, идущих в том же направлении. Меня поразила исключительно красивая фигура и стройная спина женщины. Обогнав их, я убедился, что ее лицо не менее красиво. Заняв место на площадке корта, я пригласил их играть с собой. Причем ее я взял на свою сторону корта в качестве партнерши. Во время игры я узнал, что ее зовут Вера, что со своим кавалером она познакомилась в поезде, когда ехала из Ленинграда, и отдыхает в Гаграх «дикарем».

Она назначила мне свидание в 9 часов вечера у ворот древней крепости. Я договорился на лодочной станции о двухместной байдарке.

Сначала мы с Верой гуляли по парку, потом я подвел ее к лодочной станции и с помощью лодочника мы с трудом влезли в неустойчивую байдарку. Сильно оттолкнувшись от берега, мы закачались на волнах по лунной дорожке. С берега доносилась красивая музыка. Мы плыли молча, как очарованные, более часа, пока нас не стала донимать холодная просачивающаяся в лодку вода.

Пристали к берегу. Зашли погреться в чайную, выпили крепкого чая с вареньем и коньяком. Этот вечер был неизбежно хорош.

На следующий день я вместе с Иваном Артоблевским отправился в пеший поход через горы на озеро Рица в компании четырех девушек и шести мужчин. Нас предупредили, что автодорога заканчивается у села Бзыбь и далее придется следовать по ишачьей тропе. Единственное жилье на всем пути находилось на метеостанции на другом берегу озера. Чтобы вызвать лодку с другого берега, следует дать три выстрела. Поэтому пришлось взять с собой револьвер,

официально выданный мне на Магнитострое для охраны американцев.

Выйдя из автобуса, мы пошли цепочкой по ишачьей тропе, несколько раз пересекали горные речки и ручьи и когда усталые почти дошли до озера, из-за скалы выскочил человек бандитского вида с нацеленным на нас ружьем и с дикими криками на непонятном языке. Тогда я, шедший в самом конце нашей цепочки, подкрался к нему сзади через кусты и оглушил его, ударив рукояткой револьвера по голове. Он был одет в рваную меховую куртку, галифе с носками поверх них и в невероятную по форме обувь, а на голове у него была мягкая суконная шляпа. Лицо его было давно небрито.

Мы все решили, что это горный разбойник, и потащили его волоком за ноги к берегу озера, где я дал три выстрела для вызова лодки. Когда приплыла лодка, в ней сидел человек, по своему виду и одежде похожий на нашего «разбойника». Видя лежащего без сознания человека, лодочник пришел в ужас и сказал нам, что сам он является уполномоченным ОГПУ, а лежащий на земле – его помощником по охране запретной зоны, где совершают прогулки члены правительства. Когда мы объяснили создавшуюся ситуацию и то, что напавший на нас человек ничего не сказал и мог застрелить нас, тот несколько успокоился.

Тут же наши девушки привели в чувство лежащего, мы через лодочника объяснили ему причину недоразумения, посадили его в лодку, угостили шоколадом и в три приема перебрались на другой берег.

Когда мы прибыли на метеостанцию, лодочник-уполномоченный ОГПУ объяснил нам, что это запретная зона и что он разрешает нам пробыть здесь только до утра, и проверил мои документы на право ношения оружия. В конце концов, оба хозяина простили нас и приготовили знатный ужин из свежей форели. Взамен мы их одарили шоколадом, конфетами и хорошим чаем. Ночью мы подверглись нападению невероятно больших клопов и утром, чуть свет, вернулись тем же путем в Гагры.

Через несколько дней я увиделся с Верой, сказал ей: «Наша встреча была красивой и поэтичной, пусть навсегда

останется такой в памяти». У нас установились дружеские отношения на долгое время.

Отголосок Первой мировой войны на Магнитке

Однажды вечером тревожный голос по телефону попросил меня срочно зайти в иностранную столовую. Войдя в зал, я увидел, что он перегорожен перевернутыми столами, по одну сторону которых расположились немцы в растерзанной одежде, а по другую французы, вид которых был не лучше. Обе стороны дико кричали и бросали друг в друга бутылки. В стороне от них в нейтральном месте зала стояли англичане и фиксировали удачные попадания. В углу сидели американцы, раскуривая свои трубки, и спокойно наблюдали: каждая национальность проявляла свои характерные черты. Оказывается, в этот день они отмечали дату заключения мира после Первой мировой войны. Конфликт возник из-за спора французов и немцев об их успехах на поле боя. Поскольку мои уговоры на них не подействовали, пришлось вызвать пожарных, охладивших их пыл водой.

Строительство доменного цеха

В связи с непониманием и игнорированием нашими специалистами американских технических условий мой статус на Магнитострое был повышен: я был переведен на строительство доменного цеха в качестве сменного помощника его Главного строителя, с оставлением за мной функций переводчика. Главный строитель и его аппарат осуществляли технадзор и координацию работ всех участвующих в строительстве организаций, а на меня был возложен контроль за соблюдением американских технических условий. В этой должности у меня назрел конфликт с американской фирмой «Макки» по вопросам монтажа наклонного моста домны № 2 «Комсомольской». По их требованию мост этой домны дол-

жен был монтироваться и клепаться, как мост домны № 1, на сложных лесах (из-за отсутствия в то время мощных кранов), по частям из мелких импортных деталей. При этом монтаж моста можно было начать только после окончания сборки почти всего корпуса домны, что затягивало ее пуск не менее чем на месяц.

Мы с инженером конторы Стальконструкции Заславским предложили одновременно с монтажом основного корпуса домны собрать мост целиком на земле, а затем установить его по особой монтажной схеме, предусматривающей подъем моста длиной 50 метров двумя парами трубчатых мачт с блоками и ручными лебедками, причем каждую пару лебедок следовало вращать с определенной, строго рассчитанной скоростью, исключающей деформацию наклонного моста.

Официальные представители фирмы «Макки» назвали этот метод «негритянским» и категорически ему воспротивились. Вместе с тем рядовые американские инженеры Дуй и Перес по секрету от своего начальства одобрили наше предложение и дали ряд советов. В связи с тем, что американская фирма сняла с себя ответственность за своевременное окончание монтажа, при монтаже моста по нашей схеме, сокращающей срок пуска домны на месяц, директор комбината Гугель связался по прямому проводу с наркомом тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, непосредственно курировавшим Магнитострой. Серго сказал Гугелю: «Свяжите меня с авторами этого предложения». Когда я подошел к телефону, он спросил, как меня зовут, понимаю ли я всю ответственность нашего предложения и его техническую обоснованность. Когда я вкратце дал пояснения и сообщил, что рядовые американские инженеры нас поддерживают, он сказал: «Валяйте», – и подтвердил это Гугелю.

После этого решения американцы сняли всех своих специалистов с монтажа домны № 2, и мы приступили с помощью опытных монтажников и такелажников к сборке и клепке моста на земле и подготовке такелажного оборудования. По окончании монтажа основного корпуса домны мост был поднят за одни сутки без каких-либо деформаций.

Эта схема монтажа моста была впоследствии использована при строительстве домен № 3 и № 4. После этого случая и по ряду других причин у дирекции комбината окончательно испортились отношения с фирмой «Макки», и вскоре контракт был расторгнут.

Адам Александрович Свицин

В начале 1932 года техническим директором Магнитогорского комбината был назначен А.А. Свицин. Он окончил два института, был металлургом и математиком и в возрасте 28 лет осуществлял техническое руководство всеми нашими металлургическими заводами на Юге России; он впервые организовал выплавку литейного чугуна, который ранее импортировали. Во время Гражданской войны Деникин предложил Свицину министерский портфель, но тот отказался: я инженер, а не политик.

В конце 20-х он вместе с крупнейшими русскими специалистами, в том числе теплотехником Рамзиным, был репрессирован по так называемому «делу Промпартии».

Репрессированному Свицину правительство поручило организовать на сталинградском тракторном заводе выплавку специальных сталей, без которых невозможно было изготавливать тракторы. И он успешно справился с этой задачей. Был освобожден, награжден орденом Ленина и премирован американским автомобилем марки «Линкольн». В это время он был назначен техническим директором Магнитогорского комбината*.

На десятый день своего директорства он вызвал меня в кабинет и, разговаривая со мной, внимательно смотрел на меня своим умным пронизательным взглядом. Он объяснил, что ему нужен энергичный молодой человек, знающий американские технические требования по строительству. Я ответил, что не имею законченного технического образования,

* В 1937 Свицин снова был репрессирован и погиб в тюрьме.

учусь только на 3-м курсе строительного института. Свицин сказал, что работая с ним, я получу всесторонние технические знания и хорошую практику, которые не даст мне институт, а по теоретическим вопросам он всегда будет меня консультировать. Место моей работы он определил в своем кабинете, я обязан был каждое утро сопровождать его при объезде строительства и действующего комбината. При этом я должен был записывать все его указания, а затем проверять их исполнение. Кроме того, мне следовало присутствовать на всех проводимых им технических совещаниях, а по всем непонятным мне техническим вопросам получать у него разъяснения.

Мою должность он назвал «Оперативный инженер при техническом директоре комбината» и установил мне оклад в 350 руб., что было в два раза больше получаемого мною ранее.

Для служебных разъездов ко мне был прикреплен экипаж с орловским рысаком и дано право в отдельных случаях пользоваться «Линкольном» Свицина. Мой рабочий день начинался в восемь часов утра, как правило, с разъездов по строительству и действующим цехам комбината, а заканчивался в 18 часов, после чего я ехал в институт.

За два года работы со Свициным я получил богатейший опыт и знания по строительству, металлургии, технике и химии.

При Свицине значительно повысились темпы и качество строительства. Благодаря предложенным им конструктивным изменениям производительность каждой доменной печи повысилась с 1000 до 1200 тонн, значительно улучшилась дисциплина технического персонала и общий порядок на комбинате.

В процессе работы у Свицина возникли серьезные разногласия с начальником строительства и директором комбината Гугелем, уделявшим внимание показной стороне дела в ущерб производству.

Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе

Серго Орджоникидзе, имея образование военного фельдшера, успешно руководил всей нашей тяжелой промышленностью, в состав которой в то время входили цветная и черная металлургия, химическая, энергетическая, угольная, машиностроительная и автомобильная.

Отличительными чертами Серго Орджоникидзе, по общему мнению, были: быстрая ориентация в сложнейших технических проблемах, исключительные организационные способности, рациональность мышления, волевые качества, сочетающиеся с большой личной скромностью и обаянием.

Мой первый непосредственный контакт с ним произошел при следующих обстоятельствах. Я получил из Москвы сообщение, что забронированная за мною комната заселена семьей политкаторжанина. Посоветовавшись со Свициным, я решил срочно выехать в Москву, для чего мне была дана командировка в Гипрометз* для согласования ряда технических вопросов. Одновременно Свицин поручил мне, минуя почту, передать лично Серго Орджоникидзе доклад о состоянии дел на комбинате и о его разногласиях с Гугелем. К своему докладу он приложил в отдельном конверте письмо с просьбой упорядочить положение о сохранении за работниками комбината забронированных квартир, поскольку уже был ряд случаев их незаконного заселения.

Я зашел в приемную наркома в здании на площади Ноги-на и застал в ней человек десять, ожидающих приема. Представившись секретарю наркома Семушкину, я сел на диван. Неожиданно распахнулась дверь и из нее выскочил с красным лицом, теряя из портфеля бумаги, начальник Караганда-уголь, из кабинета доносился грозный голос наркома. Увидев эту картину, все ожидающие приема испарились, и я остался вдвоем с Семушкиным. Через несколько минут в дверях

* Гипрометз – Государственный институт по проектированию металлургических заводов.

кабинета появился сам Орджоникидзе и грозно спросил: «Кто следующий?» – на что Семушкин ответил, что все сбегали и остался только молодой человек с Магнитки, привезший пакет от Свицина. Серго сразу смягчился, пригласил зайти и спросил меня, кем я работаю. Не раскрывая пакет, он попросил рассказать живым языком о состоянии дел на строительстве доменного, мартеновского и прокатного цехов. Затем он достал из шкафа вазу с фруктами и предупредил, что коньяком меня угощать не будет, поскольку я еще молод. Прочитав в письме, что занимают забронированные квартиры работников комбината, он приказал Семушкину соединить его с генеральным прокурором, а узнав из письма мое имя, спросил, не тот ли я Володя, который предложил собирать наклонный мост домны № 2 целиком на земле, и как прошла его установка. Соединившись по телефону с Вышинским, он возмущенно сказал ему: «Правительство гарантировало специалистам, выезжающим на отдаленные стройки, сохранение их квартир. У меня в кабинете сидит молодой человек, забронированная квартира которого заселена». Он передал мне трубку для сообщения номера брони, адреса квартиры и моей фамилии. После чего Серго похлопал меня по плечу и тепло со мной распрощался.

Из Наркомтяжпрома я приехал в Гипромез, затем домой, где застал около подъезда два автомобиля и людей, выносивших вещи переселяемой из моей комнаты семьи.

Следующая встреча с Орджоникидзе состоялась в 1933 году в кабинете у Свицина, когда Серго приехал на Магнитку. Он меня узнал и поинтересовался у Свицина, как я работаю, затем сказал мне, что когда я окончу институт, он использует мой магнитогорский опыт и энергию на других стройках.

Встреча с Молотовым

В 1932 году на Магнитострой приехал Председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов. В целях обеспечения охраны официально объявляли о посещении им одного объекта, а возили на другой.

В доменном цехе Молотов выразил сомнение в целесообразности расторжения договора с «Макки». Для доказательства правильности решения начальник комбината Гугель, представив меня как сотрудника, непосредственно работавшего с этой фирмой, предложил мне сообщить все факты и обстоятельства, подтверждающие целесообразность разрыва. Я привел ряд примеров их действий, способствующих удорожанию и затягиванию сроков строительства, а также то, что мы изучили их технические требования и в дальнейшем можем справиться и без них.

Эта встреча была зафиксирована фотокорреспондентом на фоне домны № 2.

Авраамий Павлович Завенягин

В 1933 году произошла смена руководства на Магнитострое: начальник строительства Гугель был переведен на строительство металлургического завода Азовсталь, где он, предвидя свой арест, в 1937 году покончил с собой, бросившись на трансформатор высокого напряжения. Директором комбината и начальником строительства был назначен инженер-металлург Авраамий Павлович Завенягин.

Авраамий Павлович Завенягин до Магнитостроя работал директором Гипромеза, где зарекомендовал себя исключительно знающим и широко эрудированным специалистом. Назначение его на Магнитострой весьма облегчило работу Свицину и повысило культуру работы комбината и строительства. Авраамий Павлович отличался исключительной памятью, волевыми качествами и простым обращением со всеми работниками, независимо от их должностей. Мои контакты с ним заключались в ознакомлении его с иностранными техническими требованиями и документацией. Во всех моих конфликтах с производственниками, нарушающими технические условия, он оказывал мне всемерную поддержку.

Дальнейшая судьба Завенягина сложилась следующим образом: после Магнитки он был назначен заместителем наркома тяжелой промышленности и в этой должности

в 1937 году был арестован и подвергнут в течение месяца домашнему заключению. После чего он был направлен в Норильск начальником горно-металлургического комбината.

В начале 1941 года я встретил его в фойе Театра Революции на спектакле «Таня». Он приветливо со мной разговаривал, и когда я его запросто спросил, где он теперь работает, он мне так же просто сообщил свою должность – заместитель наркома внутренних дел, после чего я потерял дар речи и меня выручил театральный звонок.

Позднее он был назначен наркомом среднего машиностроения, где он руководил всеми атомными делами (вместе с академиком Курчатовым) и погиб...

Романтическая вставка

Однажды зимой я ехал на санях, запряженных рысаком, из поселка Березки в институт; на автобусной остановке заметил одинокую женскую фигурку. Подъехав, я увидел, что девушка совсем замерзла, и предложил ее подвезти. Она сказала, что ждет немецкого специалиста Зельде, который пошел искать транспорт, чтобы отвезти ее в соцгород. Я сказал, что Зельде вряд ли это удастся, она смущенно села в сани и по дороге рассказала, что она актриса московского театра, который в это время гастролировал в Магнитогорске, и что Зельде сделал ей предложение и собирается увезти ее в Германию. Мы приехали в соцгород к зданию клуба, я предложил ей еще встретиться. В ответ она пригласила меня после института заехать к ним в общежитие на чашку чая. Увидев ее в домашней обстановке, я очаровался и стал с ней регулярно встречаться. При этом все время доказывал аморальность и антипатриотичность брака с немцем, который был к тому же на двадцать лет старше ее. В конце концов она с этим согласилась, и наш роман продолжался не только во время гастролей театра в Магнитогорске, но и впоследствии, во время моего отпуска в Москве.

Она была мне очень благодарна за то, что я помог ей расстаться с немцем. Впоследствии я узнал, что она вышла

замуж за главного режиссера своего театра и многие годы была его ведущей актрисой.

Моя женитьба

В 1933 году я подружился с тремя девушками, работавшими в магнитогорском отделении института Водоканалпроект. Каждая из них была по-своему хороша, но когда я приглашал их в гости или на какое-либо культурное мероприятие, приходила только одна из них в одной и той же одежде, которая, как впоследствии выяснилось, была одна на всех. В конце концов из троих мне больше понравилась Валентина и мы с ней поженились.

На второй год женитьбы, в 1934 году у нас родилась дочь Татьяна. Мы счастливо прожили семь лет. В 1940 году в результате изменившихся интересов и под влиянием «друзей» наши отношения резко испортились и у каждого из нас появились новые симпатии. Это закончилось замужеством Валентины, и наши пути разошлись, а я был на долгие годы совершенно изолирован от своей дочурки...

Институт я закончил без защиты диплома: для написания его я должен был ехать в Свердловск, что вовсе не входило в мои планы, я решил ограничиться полученной справкой и накопленным большим практическим опытом – в то время самому диплому не придавалось большого значения.

Вскоре подоспел отпуск, и я приехал в Москву. Позвонил секретарю Орджоникидзе Семушкину и сообщил, что я готов принять предложение наркома о переходе на работу по его усмотрению и оставил свой номер телефона. Через несколько дней мне позвонили домой из Главстройпрома и предложили возглавить группу по обобщению опыта и инструктажу новостроев в системе треста Союзстроймеханизация, а также пройти трехмесячные курсы повышения квалификации при Главстройпроме. После оформления моего перевода и окончания этих курсов мне было выдано удостоверение за подписью замнаркома Пятакова на право обследованиястроев Наркомтяжпрома и инструктажа по вопросам организации

и механизации строительства. В результате мне представилась возможность изучить опыт Волховстроя, Днепростроя, строительства авиазавода в Казани, медеплавильного завода на Балхаше и металлургического завода в Тагиле, что значительно расширило мои знания и опыт.

Прибалхашстрой

География

Прибалхашский медеплавильный комбинат строился в исключительно сложных географических и климатических условиях. Ближайшими железнодорожными станциями были города Алма-Ата и Караганда, а также порт на восточном берегу Балхаша. Все они были на расстоянии нескольких сот километров от строительства. Сама строительная площадка располагалась на северном берегу Балхаша в степи. Вода в озере имела повышенную соленость. Единственная связь с Карагандой была летом на верблюдах и пароходами от пристани Бурлю-Тобе на востоке Балхаша. Круглогодичной была только авиационная связь с Алма-Атой. Климат в тех местах резко континентальный.

Начальником строительства в то время был В.И. Иванов. Строители как огня боялись его. Имея свою ведомственную охрану, он арестовывал даже сотрудников ОГПУ, ввел систему пропусков на право въезда и выезда со строительства и сухой закон. Он терпеть не мог профсоюзных работников, и они старались не попадаться ему на глаза. Характерным для него был случай в Бурлю-Тобе. На железнодорожную станцию прибыла партия вербованных рабочих, которые отказывались сесть на пароход для отправки на строительство. Он собрал их, разъяснил им положение и условия. Один из рабочих начал возражать ему. Иванов вытащил пистолет и у всех на глазах застрелил его, после чего все вербованные сели на пароход и были доставлены на строительство. Шел 1935 год.

В то время на площадке не было питьевой воды, приходилось пить соленую воду из озера и воду из растопленного, накопленного зимой снега. Это было мучительно.

На Прибалхашстрое я поселился в одном из коттеджей для приезжающих в административном поселке на берегу Балхаша. Начальник строительства Иванов встретил меня очень радушно и прикрепил ко мне для работы сани с парой лошадей.

В это время строительство обслуживали два самолета У-2, летчиками на которых были девушка Гордиенко и румын Гаржан. В Румынии он был военным летчиком и непосредственно обслуживал Карая, сына короля, – командующего румынской военной авиацией, у которого была любовницей известная румынская красавица Елена Лопеску. Она изменила ему с Гаржаном, в отместку Караль откомандировал Гаржана во Францию для испытания заказанных там самолетов. Испытав самолеты, Гаржан их забраковал, что вызвало гнев Карая. Узнав, что его собираются арестовать за невыполнение приказа о приемке самолетов, Гаржан на одном из них удрал в Одессу, где попросил политического убежища. Его назначили летчиком на Прибалхашстрой. В Доме приезжих, кроме этих летчиков, жил второй секретарь Алма-Атинского обкома партии.

Обследование строительства я проводил с участием заместителей главного инженера и главного механика. В течение пятнадцати дней было установлено, что экскаваторы, компрессоры и транспортеры в плохом техническом состоянии и строительные работы в основном производятся вручную. На основании этих данных и изучения предстоящих строительных работ мною были намечены мероприятия по упорядочению эксплуатации имеющихся механизмов и обоснована необходимость получения дополнительного оборудования.

Закончив работу, я попросил Иванова заслушать мой доклад на техническом совещании. Поскольку он в это время болел, то организовал совещание на своей квартире, в которой я застал весь руководящий состав строительства и самого Иванова в майке и пижамных брюках.

В докладе я перечислил факты, снижающие производительность труда, высказал конкретные предложения по улучшению положения и заказу необходимого оборудования.

Как только я сказал, что все эти мероприятия согласованы с главным инженером, Иванов вскочил и заявил: «Последнее является пустой тратой времени, поскольку главный инженер больше уделяет внимания и времени не строительству, а нашей врачихе». И затем стал вдаваться в разные подробности. Когда я доложил, что заявка на оборудование принята начальником отдела оборудования Балхашстроя, Иванов снова вскочил и изрек: «Это безнадежное дело, поскольку он больше внимания уделяет выпивкам и вряд ли чего добьется». И начал уличать его в пьянстве, после чего попросил меня составить протокол совещания с указанием конкретных мероприятий и ответственных исполнителей.

Некоторое время спустя я зашел в кабинет к Иванову, где сидело очень много народу, и попросил его выдать мне пропуск на выезд. Он неожиданно заговорил о том, что у них очень распространены нехорошие заболевания и пользовался ли я медицинскими средствами, на что я ему шуточно ответил: «А их в продаже нет». Услышав и приняв это мое заявление всерьез, он с возмущением вскочил и потребовал вызвать начальника санитарного отдела Квачадзе, который немедленно прибыл и заявил, что все выполняется в соответствии с его распоряжением. После чего Иванов вызвал своего заместителя Павлова и приказал ему объехать все аптеки вместе со мной и Квачадзе. Вся эта сцена меня очень смутила, но приказу пришлось подчиниться. Поскольку результаты нашей проверки были отрицательны, Иванов издал приказ, в котором подробно изложил все эти обстоятельства и объявил выговор Квачадзе.

Получив пропуск на выезд, я не смог вылететь в течение более двух недель из-за нелетной погоды. За это время со мной произошло несколько интересных событий. Гуляя однажды вечером по берегу Балхаша, я случайно встретился с Ивановым, который мне показал на мигающие сигналы стоящего на рейде парохода и сказал: «Сигналят о том, что у них есть водка». Он предложил мне вместе с ним пройти по льду

к пароходу. Мы пошли. Иванов закрыл свое лицо капюшоном плаща. Когда мы влезли по трапу на пароход, я спросил у капитана (так меня научил Иванов): «Можно ли у вас достать водки?» Капитан, не узнав в темноте Иванова, предложил нам спуститься в каюту, где на столе стояла водка. Тут Иванов сбросил капюшон, а капитан, узнав его, весь затрясся от ужаса. К общему удивлению, Иванов сказал: «Я вам прошу, если это будет в последний раз, а пока давайте закуску!» И мы в уютной обстановке, вместе с капитаном и его помощниками провели полтора часа.

В другой раз мы праздновали день рождения заместителя начальника строительства. Празднество продолжалось всю ночь. Рано утром мне предложили поехать охотиться на волков без ружья. Мне понравилось предложение, и мы отправились на машине. Вскоре мы вспугнули двух волков; выбрав наиболее крупного, мы погнались за ним по ровной степи. Гонка продолжалась сорок минут при скорости 25 км в час, пока волк не измотался, и шофер ловким поворотом руля ударил его крылом по голове, после чего добились его кинжалом и бросили в багажник. Тут поступило новое предложение: показать мне трассу голодного исхода казахов в Китай во время коллективизации. Дело в том, что казахов раскулачивали, как и крестьян в Европейской России: если казах имел больше одной лошади и двух-трех баранов (в то время казахи были кочевниками и, чтобы выжить, имели не менее двух-трех лошадей и пятидесяти баранов). Подъехав к дороге голодного исхода, мы увидели остатки костров, вокруг которых лежали человеческие скелеты, домашняя утварь и полуразваленные юрты...

Воздушные приключения

Как-то в вечерние часы, когда я сидел в компании летчика Гаржана и летчицы Гордиенко в ожидании летной погоды, Гордиенко предложила мне прыгнуть с парашютом. Ей было обидно, что являясь инструктором парашютного спорта, она не имеет еще ни одного ученика.

Я немедленно согласился, и на следующий день мы поднялись на ее самолете У-2 в воздух за пределами территории строительства. Когда последовала команда прыгать, я стал было вылезать через борт на крыло, но, одумавшись, полез обратно. Летчица увидела это и сделала «бочку», в результате чего я сорвался с крыла и полетел вниз. Строго соблюдая ее инструкцию, дернул за кольцо, парашют раскрылся, и я плавно приземлился. Так состоялся мой первый и последний прыжок с парашютом.

На другой вечер в той же компании летчиков и секретаря Алма-Атинского обкома мы пили чай из снежной воды. Секретарь очень остро переживал невозможность вылететь в Алма-Ату, где его жена, как сообщалось в радиোগрамме, находилась при смерти. Тут Гордиенко начала уговаривать Гаржана полететь на самолете, невзирая на погоду, подначивая его тем, что он военный летчик румынской армии, и если он не полетит, то полетит она, женщина. Это очень подействовало на Гаржана, и он, пользуясь тем, что Иванов находился в больнице, решил на самовольный вылет, захватив с собой меня и секретаря.

Вылетев на следующий день, мы неожиданно попали в снежную пургу, и вдруг наш самолет, летевший бреющим полетом, врезался в ледяной торос на озере и рассыпался. Удар был сильно смягчен тем, что с подветренной стороны тороса было большое скопление снега. У летчика Гаржана была перебита о приборы переносица, у меня сильно ушиблена спина, у помощника пилота расшиблен лоб, а у секретаря, хорошо закрепленного ремнями, только расстроился желудок...

В создавшейся ситуации Гаржан проявил невероятное мужество и силу воли: преодолевая сильную боль, он снял с самолета компас и приказал нам следовать за ним по льду озера. Секретарь, мыча непонятные слова, стал бегать вокруг разбитого самолета и не слушал указаний Гаржана, в связи с чем мы, связав его, устроили ему укрытие из остатков крыльев самолета и меховых одежд и так оставили.

Гаржан повел нас по компасу в северном направлении. Идти по скользкому льду было очень трудно, но он не давал

нам ни минуты отдыха, пока мы, взмученные, не дошли до рыбацкого поселка, расположенного на берегу. Войдя в избу, Гаржан потерял сознание.

Рыбаки доставили нас в санях, запряженных верблюдами, на Прибалхашстрой, где мы, сообщив руководству строительства о случившемся, добились немедленного вылета Гордиенко за оставленным секретарем. Через два часа он был тоже доставлен на место. По ее словам, он не слушался, и она была вынуждена оглушить его рукояткой револьвера и в бессознательном состоянии втащить по настилу, собранному из обломков разбитого самолета.

Через несколько дней открылась самолетная связь с Алма-Атой, и я с большим секретарем улетел с первым рейсом. До Москвы я уже добирался поездом.

Мой доклад о положении дел на Прибалхашстрое и о необходимости ему помощи был заслушан в Наркомтяжпроме и получил положительную оценку. По полученным сообщениям, Гаржан после выздоровления потерял право летать и перешел на наземную работу.

Московский автозавод

Начало стройки

До 1935 года городская площадка бывшего автозавода Рябушинского «АМО» была ограничена Москвой-рекой и Тюфелевой рощей. Вся местность вокруг была заболочена, в низинах вода выступала на поверхность, образуя пруды, в одном из них по легенде утонула «бедная Лиза». Завод не мог быть расширен без засыпки всей этой прилегающей территории. Требовалось 2 млн. кубометров грунта, который должен был разрабатываться и доставляться с Канатчиково бугра, расположенного в пяти километрах от строительной площадки.

Первоначальная смета на строительство автозавода была составлена на 950 млн. рублей. После экспертизы

сметы комиссией Главстройпрома под председательством С.З. Гинзбурга она была срезана на 200 млн. рублей, и директор завода Иван Алексеевич Лихачев получил выговор за завышение стоимости строительства. Лихачев добился через правительство, чтобы строительство завода по новой смете велось строительными организациями системы Главстройпрома, и создал у себя в аппарате технадзорный отдел, укомплектованный сильнейшими инженерами, которым он запретил оформлять какие-либо возникающие дополнительно объемы работ.

В результате организации, участвующие в строительстве, выполняя дополнительные работы бесплатно, терпели колоссальные убытки, превысившие в итоге срезанную по смете сумму в 200 млн. рублей и компенсированные Главстройпромом. Лихачев, собрав все необходимые об этом данные, добился от правительства снятия выговора за завышение сметы.

Устав от надоевшей мне чиновничьей работы, я попросился на производство, и меня перевели в трест «Строитель», являвшийся генеральным подрядчиком строительства автозавода.

После двухмесячной работы в организационном отделе треста меня назначили начальником конторы земляных и дорожных работ, деятельность которой весьма сдерживала строительство. В распоряжении этой конторы было три экскаватора, три железнодорожных состава с простыми платформами и тридцать автосамосвалов Ярославского завода. Дорожные работы выполнялись подрядными организациями – трестами Дорстрой и Трансстрой. Грунт с железнодорожных платформ разгружался вручную. Сметная стоимость грунта, уложенного в «дело», составляла 7 рублей, хотя фактически была на 3 рубля выше. В результате, чем больше контора выполняла план, тем больше она терпела убытков.

Свою деятельность я начал с механизации разгрузки платформ сначала с помощью бульдозеров, а затем оборудовал платформы саморазгружающими устройствами конструкции изобретателя Казанского. Поскольку территория завода была весьма ограничена, ко мне очень часто обра-

щался директор завода Лихачев с просьбой расширить площадки на различных участках завода, в том числе отсыпать площадку для склада импортной стали. У меня установились с ним хорошие деловые отношения, он даже дал распоряжение подавать мне импортную легковую машину из экспериментального гаража.

Иван Алексеевич Лихачев

Иван Алексеевич Лихачев начинал свою служебную деятельность в семь часов утра в бывшем кабинете Рябушинского со старинной дубовой мебелью. Принимал он всех желающих одновременно, подсаживаясь к каждому. Возникающие сложности он разрешал сразу после окончания приема, на месте. Он пользовался таким авторитетом, что без его ведома не увольняли даже уборщицу. В отсутствие Лихачева аппарат практически ничего не решал, что отрицательно сказывалось на выполнении плана. Иван Алексеевич был прост в обращении с людьми, любил шутить и вспоминать забавные эпизоды. По возвращении из первой командировки в Америку он рассказал, как во время обеда в ресторане они выпили лимонную воду, поставленную для мытья пальцев после блюда из курицы; как в лифте, когда они поднимались вместе с женщиной, с них сняли головные уборы, демонстрируя уважение к даме.

Иван Алексеевич был проницательным хозяйственником и обладал исключительными организаторскими способностями. Поэтому автозавод вполне заслуженно носит его имя – Лихачев руководил им до конца своей жизни.

Моя очередная инициатива

Убедившись, что имеющимися средствами моя контора не обеспечит отсыпку крайне необходимых для строительства площадок, я стал искать выход из, казалось бы, безвыходного положения. И тут меня осенило: надо проверить, куда

вывозят грунт из шахт метростроя. Оказалось – в далеко расположенные отвалы. Я предложил начальнику Метростроя Абакумову* вывозить грунт к нам на площадку с оплатой его стоимости за счет нашей конторы. Абакумов дал свое согласие при условии, что я передам ему свои машины и фонды на горючее, чего я не имел права сделать. Поэтому я послал своего заместителя во все автобазы Метростроя объявить, что шоферы, доставившие на нашу стройплощадку грунт, будут получать три рубля наличными за каждую машину, содержащую два кубометра грунта. Были установлены плакаты, показывающие места приемки грунта, и поставлены приемщики, выдававшие соответствующие квитанции, по которым водители к концу дня получали у кассира деньги. Дней через десять на площадку стало поступать более тысячи кубометров земли в сутки.

Несмотря на большую целесообразность и государственную необходимость, это мероприятие было явным нарушением финансовой дисциплины. Учитывая колоссальный экономический эффект и невероятное перевыполнение плана, руководство нашего треста смотрело на это сквозь пальцы.

Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе на очередном оперативном совещании по строительству автозавода в кабинете Лихачева, ознакомившись со сводкой выполнения плана различными подразделениями, заметил, что единственная контора, которая его выполняет, – это контора земляных работ. Он предложил мне поделиться опытом. Я ответил, что этот план выполняю незаконно. «Фиктивно?» – спросил он. Тогда я подробно рассказал о положении дел, о моих безрезультативных переговорах с Абакумовым, а также о том, как мы это дело организовали. Молча все выслушав, Серго собрал свои бумаги и, ничего не говоря, уехал вместе со своим секретарем Семушкиным.

Оставшиеся в кабинете набросились на меня, доказывая, что я зря это рассказал и что мне теперь влетит. Расстроившись, я пошел в ресторан и крепко выпил.

* *Абакумов Егор Трофимович (1895–1953)* – руководитель угольной промышленности, в 1935–1939 – первый начальник Метростроя.

На следующее утро меня по диспетчерскому телефону срочно вызвал к себе в кабинет управляющий трестом «Строитель» А.Н. Прокофьев. Придя к нему, я застал там Абакумова со своей свитой, который рассказал, что вчера к нему влетел разъяренный Серго и, крепко выругав, предложил ему вывозить землю только на площадку автозавода.

В течение часа я водил его по всей стройплощадке, и с этого дня все машины Метростроя возили землю только нам, а впоследствии стали возить землю даже грузовыми трамваями.

По окончании года у нашей конторы было огромное перевыполнение плана по всем показателям, и наш персонал подлежал значительному премированию. Однако премировать нарушителей финансовой дисциплины было неудобно, поэтому ограничились незначительными премиями для коллектива, но меня персонально премировали автомашиной.

Вскоре Орджоникидзе назначил меня начальником строительства Риддерского свинцово-кобальтового комбината в системе Большой Риддер на Алтае. Мне было в то время 27 лет.

Риддерский комбинат

Комбинат и город Риддер (ныне Лениногорск) расположены в 80 километрах восточнее Усть-Каменогорска в ущелье реки Ульбы. В то время единственная связь с ним была по узкоколейной железной дороге, проложенной еще концессионером Риддером перед революцией.

Строительство было в запущенном состоянии и практически законсервировано. От меня требовалось как можно скорее запустить обогатительную фабрику, свинцово-цинковый завод, электростанцию и ряд подсобных цехов.

Мне был предоставлен домик с баней, конюшней и гаражом.

С первых дней работы я столкнулся с острым недостатком рабочих и большой текучестью кадров. Причина была в плохих жилищных условиях, высоком прожиточном мини-

муме и недостатке овощей. В связи с этим я принял решение предоставлять всем желающим земельные участки для огородов, ссуды для приобретения скота и строительства индивидуальных домиков. Все это я согласовал с местными городскими властями, но, конечно, это было нарушением финансовой дисциплины. Поскольку в основном рабочие были переселенцами из пограничных районов Украины, привычными к крестьянскому труду, принятые меры оказались весьма эффективными и текучесть резко сократилась.

Приступив к строительству промышленных зданий, для возведения железобетонных конструкций в зимнее время мы вместо традиционных тепляков применили электропрогрев – метод, заимствованный мною на строительстве автозавода. В результате резко повысилась производительность труда и сократился расход древесины. Уже через год выросли железобетонные каркасы основных промышленных зданий, что очень понравилось приехавшему к нам начальнику Главцинк-свинца Петру Яковлевичу Андропову.

После этого я был вызван в Москву для подготовки приказа о строительстве Риддерского комбината. Согласовав приказ с первым заместителем наркома тяжелой промышленности А.П. Завенягиным, внесшим некоторые изменения, я его переписал и, придя на следующий день за визой, увидел его кабинет опечатанным. Мне было сказано, что Завенягин арестован. Позднее выяснилось, что он после месяца домашнего ареста направлен в Норильск.

Встреча с волками и медведем

В связи с тем, что потребовалась моя консультация по строительству высокогорной плотины на реке Ульбе, я выехал туда верхом в сопровождении конюха. Перевалив первый из трех хребтов на пути к водохранилищу, мы решили переночевать в попавшейся по дороге заброшенной избушке пчеловода и, привязав лошадей, устроились на ночлег. Разбудил нас храп и ржание лошадей. Выйдя, мы увидели светящиеся глаза многочисленных волков. Дав несколько выстрелов из

имевшихся у нас ружей и немного их отогнав, мы ввели лошадей в избу и спали до утра под вой продолжавших окружать нас волков. Встав утром, мы нашли двух убитых волков, остальные скрылись. Конюх содрал с них шкуры, и мы поехали дальше. Во время этого путешествия мы, по мере подъема и спуска, оказывались в осенних, зимних, весенних и летних условиях. Это путешествие оставило в памяти яркие воспоминания.

На строительстве плотины в выходной день меня пригласили участвовать в охоте на медведей вместе с местными старожилами из деревни старообрядцев. Рано утром мы верхом в сопровождении собак подъехали к заранее обнаруженной берлоге. Один из охотников, молодой бергал*, получивший по жребию право первой встречи с медведем, расставив нас вокруг берлоги, достал привязанный к седлу восковой шар и кинжал. Один из мужиков начал большой палкой под лай собак дразнить в берлоге медведя. Бергал, зажав во рту кинжал, держа в руках восковой шар, занял позицию метрах в пяти от берлоги. Стрелять в медведя можно было только в случае неудачи охотника. Минут через пятнадцать из берлоги выскочил медведь, встал на задние лапы и бросился на стоящего перед ним бергала, который ловким движением кинул в медведя свой шар... Тот схватил его лапами, и когти застряли в воске. В этот момент охотник ловким движением пронзил стоящего медведя кинжалом, так что вся охота завершилась без единого выстрела. Этот медведь оказался девятым на счету молодого охотника. Вся охота представляла собой поразительное зрелище.

1939 год

После моего путешествия на горную плотину из Алма-Аты приехала комиссия по проверке дисциплины, в соответствии с недавно изданным правительственным постановлением об усилении трудовой дисциплины. Несмотря

* *Бергал (бергалы)* – так называли себя крепостные крестьяне, приписанные к рудникам. Слово происходит от немецкого *Berghauer* – горнорабочий.

на мою просьбу производить проверку после расстановки рабочих по рабочим местам, эта комиссия с утра собрала всех прорабов. Я был вынужден вывести комиссию со строительной площадки силами местной военизированной охраны. Возмутившись, комиссия начала собирать материал против меня. При этом она установила, что я создал «новый класс полурабочих-полукрестьян», т. е. рабочих, имеющих свое подсобное хозяйство, и что я, в отдельных случаях, разрешал им отлучаться по хозяйственным делам с обязательной последующей отработкой.

В своем заключении комиссия требовала снять меня с работы и отдать под суд – за «отсутствие борьбы за трудовую дисциплину».

Получив об этом предупреждение от хорошо относившихся ко мне городских властей, я ночью выехал на дрезине в Усть-Каменогорск, оттуда в Семипалатинск и улетел первым самолетом в Москву в Наркомтяжпром. В наркомате я доложил начальнику своего главка П.Я. Андропову о создавшемся положении. Он попросил меня к десяти часам вечера явиться в секретариат наркома Л.М. Кагановича, назначенного на это место после смерти Орджоникидзе.

Через полчаса после моего прихода меня вызвали в кабинет наркома, где уже сидел Андропов, и предложили подробнее рассказать о случившемся. Узнав о мероприятиях по закреплению рабочих путем предоставления им земельных участков, выдачи ссуд на хозяйственное обзаведение, нарком сказал, что эти мероприятия совершенно правильны и что он применял их в Министерстве путей сообщения для путевых обходчиков. Он предложил Андропову легализовать мое бегство с Риддера вызовом в командировку и обещал послать своего инспектора для проверки всех обстоятельств на месте.

Результаты обследования этого инспектора полностью подтвердили мои объяснения, мое увольнение приказом из главка было отменено, а решением Коллегии наркомата я был назначен главным инженером ОКСа* Главного управления промышленности редких металлов (Главредмета).

* ОКС – отдел капитального строительства.

Работа в Главредмете

Работая в ОКСе, я столкнулся с таким парадоксальным фактом, что кобальт, крайне необходимый для оборонной промышленности, мы покупаем по очень высокой цене за границей при наличии практически заброшенного рудника в районе города Дашкесан (ныне Кировабад), расположенного на границе между Грузией и Азербайджаном.

Этот рудник с линзовым залеганием кобальта ранее хищнически разрабатывался немецким концессионером. Получив данные из геологического отдела наркомата цветной металлургии о больших запасах кобальта в этом месторождении, я предложил руководству развернуть разработку рудника и ускорить строительство обогатительной фабрики. Это предложение было всеми поддержано. Мне было предложено в мае 1940 года выехать на место, договориться с правительствами Грузии и Азербайджана об оказании необходимой помощи. Для этой цели мне были даны два письма за подписью Маленкова на имя секретаря ЦК Грузии Чарквиани и секретаря ЦК Азербайджана Багирова, в которых им было предложено оказывать содействие этому строительству. В Грузии мне было легко добиться соответствующего постановления местного Совнаркома, а в Азербайджане, в Совнаркоме которого работали азербайджанцы и армяне, согласование постановления проходило весьма трудно, поскольку Багиров отсутствовал, а любой пункт постановления, согласованный сотрудниками-армянами, отвергался сотрудниками-азербайджанцами. Так что до приезда Багирова ничего оформить не удалось. Зато когда он приехал, решение азербайджанского правительства было оформлено за один день.

Получив поддержку обоих правительств, я выехал на Дашкесанский рудник, где совместно с местным начальством мы занялись организацией строительства. Когда местные жители узнали о начале стройки, они стали приглашать меня вместе с начальником рудника в свои селения, где нам устраивали пышные приемы с шашлыками и вином, которое

пили из рога. Каждый такой прием заканчивался просьбами хозяев помочь им различными стройматериалами. Пора было от этих приглашений отказаться, что мы и сделали.

В Кировабаде я столкнулся с местными особенностями: у кинотеатров и магазинов мужчины и женщины выстраивались в отдельные очереди; армяне и азербайджанцы жили по разным берегам реки, а на их окнах были пуленепробиваемые ставни, что объяснялось их национальной рознью. Судебный процесс над азербайджанцем, изнасиловавшим русскую девушку, закончился его оправданием, мотивированным тем, что «они были в одном помещении».

Закончив подготовку строительства и доложив наркому по телефону, я получил ответ, что финансирование в текущем году открыть не удалось и мне следует вернуться в Москву.

Чиновничья работа в главке меня не удовлетворяла, и я дал согласие на перевод в наркомат на должность начальника и главного инженера ОКСа управления делами, где мне поручили организацию строительства ведомственных административных жилых зданий и домов отдыха.

Начало войны

С началом войны я попросился на фронт и даже получил расчет, но по ходатайству наркомата сразу же был отозван для срочного строительства на территории завода им. Войкова в Москве кобальтового цеха, весьма нужного для оборонной промышленности.

15 октября на стройке я получил травму ноги и после перевязки был доставлен домой. На следующий день мне нужно было сделать рентгеновский снимок и новую перевязку. Никак не удавалось вызвать по телефону служебную машину, и на костылях, в сопровождении своего товарища, я вышел на улицу, чтобы добраться до ведомственной поликлиники, находящейся на площади Ногина, в здании, где размещалось несколько наркоматов. Мы увидели, что автобусы и трамваи не ходят, станция метро закрыта, не видно милиции и народ валит прямо по проезжей части улиц, унося из магазинов различные товары. Добравшись на попутной маши-

не в поликлинику, я там никого не застал, кроме санитарки, которая сообщила мне, что «вся медицина сбежала», и кое-как сама мне сделала перевязку.

Проходя мимо наркоматовской столовой, мы услышали крики персонала, делившего между собой продукты. Чтобы выяснить положение, я зашел в бюро пропусков, где никого не обнаружил, а затем беспрепятственно вошел в коридор, в котором были кабинеты наркомов и их заместителей, и увидел распахнутые двери всех кабинетов, разбросанные бумаги, недопитые стаканы чая... Общее впечатление было такое, что все разбежались, как будто немцы уже были где-то рядом. Практически в Москве в течение двух дней было полное безвластие. Только 18 октября на улицах появились милиция, патрули и марширующие воинские части, начал регулярно работать транспорт, жизнь в городе восстановилась.

В связи с создавшимся положением строительные работы по кобальтовому цеху были законсервированы, и уполномоченный наркома по оборонным делам предложил мне перейти работать в штаб обороны наркомата, где пришлось организовывать и возглавлять все мероприятия по противовоздушной обороне объектов Наркомцветмета. Все мои просьбы отпустить меня на фронт оставались безрезультатными.

В ноябре во время воздушной тревоги я дежурил на крыше здания наркомата в Пыжевском переулке и от взрыва упавшей в соседнем переулке бомбы был контужен и потерял сознание. Меня нашли на самом краю крыши.

В конце ноября положение в Москве так обострилось, что нам пришлось круглосуточно дежурить в бомбоубежище штаба наркомата, имея с собою в рюкзаке трехсуточный запас продуктов. В случае вынужденной эвакуации я должен был взорвать ряд цехов, заминированных нами на электродном заводе, расположенном на шоссе Энтузиастов.

В ночь на 12 декабря мы были предупреждены районным штабом о том, что в восемь часов утра будут даны окончательные указания. С небольшим опозданием по городской радиосети было сообщено, что немецкое наступление отбито, немцы отступают и состояние «особой готовности» отменяется. Нормальная жизнь в Москве постепенно восста-

навливалась, воздушные тревоги объявлялись все реже.

С 1 января началось возвращение эвакуированных работников Наркомата цветной металлургии, и мне предложили возглавить восстановительные работы пострадавшего во время бомбежек электродного завода, скорейший пуск которого был необходим для авиапромышленности. Для этой цели в мое распоряжение был направлен саперный батальон, укомплектованный физически неполноценными солдатами.

В разгар восстановительных работ мне позвонил мой начальник с просьбой восстановить поврежденную бомбежкой квартиру замнаркома по строительству, панически бежавшего в октябрьские дни и легализовавшего бегство других сотрудников. Возмущенный его поведением, я ответил: «Как бежал, так пусть и восстанавливается, я не могу снимать рабочих с оборонного объекта». Как впоследствии выяснилось, этот разговор велся из кабинета замнаркома и он услышал мой ответ по громкоговорителю. Обозленный, он в присутствии моего начальника позвонил в НКВД и рекомендовал поинтересоваться моей личностью. С этого времени начались частые вызовы моих сотрудников в НКВД, где некий оперуполномоченный Иванов интересовался моей личностью.

В мае 1942 года замнаркома цветной металлургии П.Я. Андропов предложил мне возглавить восстановительные работы на Кольчугинском медеплавильном заводе. Я стал возражать, но он, видимо, зная о нависшей надо мной угрозе, сказал, что мне необходимо туда немедленно выехать, в этом году вообще в Москве не появляться и что это в моих же личных интересах.

Часть III

Испытания

Арест

Накануне дня моих именин, 28 июля, в Кольчугино позвонила приятельница и предложила мне инкогнито приехать праздновать именины в Москву, что я и сделал, захватив с собой бутылку спирта и пайковые продукты.

Появился я дома около восьми часов вечера. Приятельница приготовила ужин и только накрыла на стол, как распахнулась дверь моей комнаты и появились три сотрудника ОГПУ в сопровождении дворника и двух понятых. Предъявив ордер на арест и обыск, они посадили меня посреди комнаты на стул, приказали держать руки на коленях и начали тщательный обыск. Обнаружив у меня в шкафу хороший табак, они попросили разрешения его закурить. Я разрешил, после чего они позволили мне сидеть свободно и даже закончить ужин. Я им намекнул, что мне одному ужин есть неудобно, и предложил им его разделить со мной. Вскоре, отпустив понятых и дворника, они уже дружелюбно улыбались и, сев за стол, распили со мной бутылку спирта.

Досидев за столом до одиннадцати часов вечера, они сказали, что нам пора ехать, и, поскольку им надлежит опечатать мою квартиру, рекомендовали вынести все наиболее ценные вещи к соседям, что с их помощью мы и сделали, разместив вещи у сестры, жившей в соседней комнате. Затем мы, как добрые знакомые, поехали на Лубянку.

На пятый день ареста в 8 часов вечера меня впервые вызвал на допрос следователь Макаренко. Посадив меня в углу на стул, он около четырех часов занимался частными разговорами по телефону, читал газеты и только затем начал мне предъявлять фантастические обвинения, которые я без труда опровергал.

Через несколько дней Макаренко снова вызвал меня на допрос, долго молча что-то писал, потом предложил мне написать протокол допроса, начиная с последней страницы, где содержались данные обо мне, не имеющие никакого криминального характера. Я, ничего не подозревая, подписал. Потом вдруг увидел, что первые страницы протокола допроса содержали якобы признанное мной обвинение. Эти страницы я подписывать отказался. Следовательно, рассчитывая, что я весь протокол уже подтвердил своей подписью на последней странице, ответил: «Можете не подписывать». Поняв его трюк, я незаметно вычеркнул свою подпись на последней странице и вернул протокол. Он, уверенный, что обман удался, отправил меня в камеру.

На следующий день, когда меня привели на допрос, он буквально кипел от злобы и даже ударил меня ногой. У меня еще была физическая сила, и я ответил ему ударом по голове. Он нырнул под письменный стол и, нажал какую-то кнопку, вызвал конвоиров. Они надели на меня наручники и отвели в подвал, в камеру карцерного типа, в которой я просидел пятьдесят четыре дня без передач. Камера была размером полтора на два с половиной метра без окна.

На пятьдесят пятый день меня вызвал новый следователь, он заявил мне, что знает всю мою подноготную и мне не удастся ввести его в заблуждение и держать себя как с Макаренко. Мои сотрудники описывали мне внешность следователя Иванова, которой интересовался моей личностью, я увидел, что это тот самый, и ответил, что тоже знаю его: «Ваша фамилия Иванов, несмотря на вашу явно нерусскую наружность».

В течение трех дней он пытался выпытать, откуда я знаю его фамилию. Чтобы от него отделаться, я назвал домоуправа – главного доносчика в нашем доме.

После безрезультатных допросов, длившихся в течение нескольких месяцев, Иванов мне сказал, что освободить меня они все равно не могут, поскольку мой арест, как номенклатурного работника, согласован в четырех высших инстанциях, и этим доказана моя виновность. Но у меня есть выбор – зачехнуть в тюрьме или по легкой статье поехать

в лагерь для работы по своей специальности. Я выбрал последнее, и мы стали вместе с ним подбирать для меня наиболее легкие преступления, которыми в конце концов оказались: «допускал возможность взятия немцами Москвы, поскольку в Москве строились баррикады; хвалил немецкую технику, учитывая, что немец дошел до Москвы; выражал удивление, почему Информбюро сообщило о взятии нами обратно Ростова, но предварительно не сообщило о том, что мы его сдали, а, следовательно, не доверял Информбюро». Поскольку я при этом должен был иметь собеседников, Иванов предложил мне назвать их, и я дал фамилии трех погибших на фронте людей.

Через два месяца меня вызвали и дали расписаться в том, что я решением особого совещания НКВД СССР за «антисоветскую агитацию приговорен к 10 годам лишения свободы в лагерях общего режима».

На следующий день меня перевели в Бутырскую тюрьму и поместили в камеру для осужденных – бывшую церковь, где содержалось около ста пятидесяти человек, политических, уголовных преступников и дезертиров. Я уже был физически сильно истощен, поскольку все прошедшее время был лишен передач.

На пятый день моего пребывания надзиратель назначил меня ответственным дежурным по камере, а моими помощниками пять уголовников. На мое предложение начать уборку камеры они никак не реагировали. Тогда я взял тряпку и начал мыть пол. Вместо помощи они стали растаптывать грязь. Это был момент моего самого низкого морального унижения. Вдруг раскрылось окно камеры и человек в белом халате, назвав меня по фамилии, передал прекрасную передачу от моих сестер и племянниц. Тут произошло событие, исключительно интересное с психологической точки зрения: «дежурившие» со мной уголовники схватили тряпки и щетки и начали усердно мыть пол. С этого момента мой авторитет в камере резко повысился.

В Бутырках я пробыл два месяца и встретился с очень интересными людьми: с крупнейшим гидротехником профессором Ризенкампом и профессором Военно-химической

академии Вознесенским. Первый вошел в камеру с маленькой сумочкой, качаясь от истощения.

Ризенкампф своей благородной внешностью римского патриция отличался от всего окружения. Один из бытовых заключенных, увидев у него хорошие сапоги, предложил обменять их на пайку хлеба, на что Ризенкампф, будучи очень голодным, охотно согласился. Меня возмутил такой «обмен», я набил физиономию этому бытовому, вернул Ризенкампфу сапоги, устроил его рядом с собой и подкормил из своих передач. Придя в себя, Ризенкампф в камере читал такие интересные лекции о проблемах отечественной гидротехники, что все заключенные, даже уголовники, слушали его с большим вниманием. Впоследствии он погиб в лагере от истощения.

Профессор Вознесенский, с которым мы впервые разговорились в бане, страдал пеллагрой и тоже был очень истощен. Подойдя ко мне, он сказал, что по моей спортивной фигуре он вспомнил, что встречал меня на даче народного артиста Петрова. Он сейчас по неизвестным причинам этапирован из Воркутинского лагеря. Я также устроил его рядом с собой и взял над ним шефство.

Через несколько дней ученики Вознесенского узнали о том, что он в Москве, и принесли хорошую передачу. Главарь уголовников, на тюремном жаргоне пахан (в каждой камере был свой пахан), потребовал от Вознесенского половину передачи, но я запретил это и сказал, что профессор угостит сокамерников по своему усмотрению. Однако в ближайшую ночь один из уголовников попытался похитить передачу. Я поймал и сильно избил его, и произвол уголовников прекратился.

Переломным в моей невольничьей судьбе был случай, когда тюремное начальство предложило желающим складировать дрова в тюремном дворе. Мы с профессором Вознесенским охотно согласились поработать на свежем воздухе и с невероятным энтузиазмом перевозили и складывали огромные поленицы дров. За это нас перевели в другую, меньшую камеру и кормили до отвала тюремной пищей.

Первый лагерь

Вскоре меня вызвали к тюремному начальству и предложили поработать по специальности на строительстве за городом. Я согласился, и меня под конвоем привезли на строительство подсобного хозяйства и казармы для солдат НКВД. Мне выдали немецкую генеральскую шинель с пришитым номером на рукаве и прикрепили конвоира-сержанта.

На третий день мне было предложено ехать в лес во главе шести солдат и в сопровождении моего конвоира для отборки и заготовки леса для строительства. Чтобы делать насечки на намеченных деревьях, мне вручили топор. Заготовив, погрузив и отправив первую машину леса с солдатами, мы остались с конвоиром один на один в лесу. Это было начало июня, когда лес благоухал, пели соловьи, а после годичного пребывания в тюрьме, мне все здесь казалось раем.

Мой конвоир типично русский парень по фамилии Заусарин вдруг говорит мне: «Инженер, машина вернется за лесом не ранее чем через три часа. Давай за это время отдохнем, сначала я посплю, ты меня посторожи, потом я тебя посторожу, а ты поспишь». Лег он на расстеленную шинель с пристегнутым в кобуре револьвером, а я остался его сторожить с топором в руках.

Повеяло свободой, но доверчивость славного парня спасла меня от глупой мечты о побеге. Чтобы конвоиры не потеряли бдительности и не привыкли ко мне, начальник режима часто их менял. Однажды один из самых строгих конвоиров, ходивший за мной в трех шагах позади с расстегнутой кобурой, когда мы в поисках сухостойных деревьев зашли в лес и развели костер, неожиданно спросил меня, люблю ли я стихи Есенина, Заручившись моим обещанием никому не говорить, он вдохновенно стал их читать. Обстановка была исключительно поэтической – древний лес, наступающий вечер, костер и стихи Есенина... Просидели мы таким образом до темноты, у нас с ним сложились настолько дружеские отношения, что однажды он пригласил меня к своей знакомой женщине в деревню, где жила дачница, желающая со мной познакомиться.

Из подсобного хозяйства меня перевели на строительство моста силами заключенных, вдруг подъехала машина, из которой вышел А.П. Завенягин в генеральской форме. Увидев меня в этой обстановке, он удивился и спросил, как я сюда попал. Я объяснил ему все обстоятельства дела. Завенягин сказал, что есть более интересный объект для работы, а именно строительство Норильского комбината, где сроки заключения сокращаются по зачетам, и будет лучше, если меня переведут туда, о чем он позаботится. Подошедшему конвоиру он сказал, что я буду расконвоирован, и уехал к начальнику лагеря.

Через неделю было оформлено мое расконвоирование в пределах района и предоставлено право пользоваться верховой лошастью.

Заключенные в лагере располагались в бывшей конюшне князя Гагарина, а в пристройке к ней проживали расконвоированные инженерно-технические работники, в том числе и я. К этой пристройке примыкала кухня. Однажды поздно вечером в кухне возник пожар, я пытался погасить его силами расконвоированных заключенных, мы заливали огонь водой из ведер, передаваемых по цепочке. Большая часть заключенных была заперта в своих камерах. Когда огонь начал перебрасываться к ним, я уговорил дежурных надзирателей открыть камеры и выпустить заключенных под охрану конвоя. Начальника лагеря на месте не было. В самый разгар тушения пожара прибежал капитан Волков из тюремного управления. Он начал панически размахивать револьвером, стрелять в воздух и загонять в камеры людей. Я вышиб у него из рук револьвер, отдал его старшему надзирателю и потребовал прекратить панику. Вскоре нашими усилиями и с помощью прибежавших солдат пожар был потушен, но капитан продолжал панически бегать и грозить мне суровыми наказаниями. Вскоре прибыл начальник нашего лагеря, которому я доложил о поведении капитана Волкова. Разумный человек, он одобрил все наши действия, в том числе и обезоруживание капитана, написал рапорт в управление и объявил мне и другим бесконвойным заключенным благодарность приказом.

Романтическая вставка

Разъезжая по ближайшему лесу верхом на лошади в поисках сухостойных деревьев для строительства, я услышал женский крик о помощи. Поехав на голос, я увидел плачущую молодую девушку, которая считала себя безнадежно заблудившейся. Она отдыхала в санатории, пошла в лес за грибами и теперь не может найти дороги домой. Пока я выводил ее из леса, девушка рассказала о себе: она секретарь комсомольской организации завода «Динамо» и проводит здесь свой отпуск. На вопрос, кто я такой, ответил: заключенный. «Вы что, сбежали?» – испуганно спросила она. Я успокоил ее, показал свое удостоверение.

Разговаривая, мы дошли почти до самого санатория. Она вдруг спросила, не можем ли мы еще встретиться. На мой ответ, что эта встреча может ее скомпрометировать, она сказала, что не верит в мою вину. Мы начали переписываться «через дупло» и встречаться, как Маша и Дубровский. После окончания отпуска она приезжала навещать меня в выходные дни.

Этап в Норильск

Я прибыл в лагере пять с лишним лет. В начале 1947 года полковник Гуленяев, начальник лагеря, объявил мне, что меня вызывают в Бутырскую тюрьму для перевода на другой объект. Без конвоя, в сопровождении штатского сотрудника, я прибыл поездом в Москву. На вокзале нас встречал «воронок». В Бутырской тюрьме я был снова подвергнут всем тюремным процедурам (обыску, стрижке наголо и переодеванию), после чего меня поместили в камеру, где двадцать заключенных ожидали этапирования. Как выяснилось, все они были инженерами, и лишь один из них, Виктор Коротков, певец из военного ансамбля Александрова. По вечерам он иногда пел, да так красиво, что надзиратели открывали дверь камеры и слушали концерт. Мы с Виктором вместе попали в Норильск. После освобождения он бывал у меня дома, и мы с наслаждением всегда слушали его пение (отбыв срок, он

очень долго работал в Норильске, но не получил нормальной квартиры, а жил в «балке» – самодельном домике, который зимой с крышей засыпало снегом и он становился похожим на лаз в медвежью нору).

Мы провели в этой камере около месяца. Потом нас отправили на железнодорожную станцию и посадили в товарный вагон, оборудованный двухъярусными нарами, на которых мы свободно разместились. За полчаса до отхода поезда дверь вдруг раздвинулась и конвоир приказал нам всем лечь на нары на одну сторону вагона, после чего появилась еще одна группа заключенных явно уголовного вида, которых разместили на противоположной стороне. Как выяснилось, их этапировали из Беломорстроя в Магадан.

Все мои спутники пришли в ужас от такого соседства, и один из них, имеющий опыт лагерной и этапной жизни, сказал: «На вас вся надежда, не мешайте мне врать». И в процессе знакомства с нашими новыми соседями он начал рассказывать главарю уголовников, что я осужден за лагерное убийство, имею три судимости... После чего этот главарь проникся ко мне уважением и предложил место рядом с ним. Я согласился при условии, что в вагоне будет порядок, а мои спутники поделятся с ними частью имеющихся у них продуктов. Предложение было принято, тем не менее ночью один из уголовников попытался залезть в мою сумку. Вовремя это заметив, я крепко поколотил его, после чего мы ехали уже без приключений.

В Красноярске, до открытия навигации на Енисее, нас поместили в пересыльный лагерь, где я узнал, что начальником Норильского комбината является Панюков Александр Алексеевич. Я знал его по Риддеру, где он был заместителем управляющего трестом «Большой Риддер», куда входило и мое строительство.

Дней через десять открылась навигация, нас поместили в трюм первой отплывающей на север баржи. Несмотря на духоту, скученность, я испытывал живое любопытство и радость от красоты природы, которую я видел через щели. На пятый день плавания наша баржа оторвалась от буксира и сильно закрутилась. Это продолжалось до тех пор, пока ее

не подхватили два буксира. В барже мне погадал по руке один заключенный офицер, румын. Он довольно точно рассказал прошлую жизнь и предсказал будущее, а именно: меня ждет счастливый брак и перспективное будущее, и что жизнь моя будет долгой.

В Дудинском порту нас пересадили в товарные вагоны, 80 километров по узкоколейной дороге мы ехали двое суток. Была уже середина июня, но в этих местах еще свирепствовала зима, и пути приходилось откапывать от снежных завалов.

Норильский лагерь

В Норильске наш спецэтап отделили от остальных заключенных и разместили в отдельном помещении.

Заместитель начальника лагеря, узнав из личного дела мою статью, остающийся мне небольшой срок и то, что я был расконвоирован, предложил мне работать начальником строительного участка управления строительства. При этом он предупредил меня, что поскольку директор комбината генерал А.А. Панюков будет на следующий день беседовать со всеми специалистами нашего этапа, чтобы их распределить по объектам, мне следует не идти на это собеседование, что я и сделал, поскольку не хотел в таком положении встречаться с Панюковым.

Через пару дней пришел молодой офицер и предложил мне следовать за ним с вещами. Он привел меня к начальнику лагеря полковнику Воронову. Тот встретил меня очень радушно и сказал, что мне предстоит построить новое особое лаготделение для заключенных женщин с детьми, родившимися в лагере, ибо согласно указанию Сталина среди них может оказаться будущий гений и они за преступления своих родителей не отвечают. При этом сообщил мне, что я скоро буду расконвоирован и что по всем вопросам и трудностям, возникающим в моей работе, мне следует обращаться лично к нему.

Какое было мое удивление, когда мой спутник, несший мои вещи, привел меня к вахте лаготделения, в которой мыла пол очаровательная девушка, и тут он мне разъяснил, что мне

придется в первое время жить в женском лаготделении. Меня поместили в комнату, пристроенную к женскому барaku, где жили трое заключенных мужчин-нарядчиков, осужденных за бытовые преступления. В первые вечера нашего совместно-го пребывания они играли в карты на право владения лучшей девушкой из этапов, прибывавших из Прибалтики и Западной Украины. На мой вопрос, как они поступают в случае несогласия девушки, мне пояснили, что у них имеются средства заставить ее: назначить на тяжелые работы, поместить в штрафную камеру или создать ей особый режим. Они это называли «пустить по кочкам». Это меня настолько возмутило, что я сразу же попросил приема у полковника Воронова и рассказал об этом возмутительном порядке. После этого нарядчики были сразу заменены заключенными-женщинами. Однако впоследствии оказалось, что это тоже плохо, так как они отбирали лучшие вещи у вновь прибывших.

Строительство нового лаготделения велось путем расширения существующего женского лагеря силами строительных рабочих и соседнего мужского лагеря. При этом естественными стали многочисленные романы между заключенными – женщинами и мужчинами, даже были случаи, когда мужчины оставались ночевать в женском лагере, а соответствующее количество женщин, переодетых мужчинами, уходило ночевать в мужской лагерь. Это было вполне возможным, поскольку конвой принимал и сдавал заключенных по счету.

Что касается меня, то я после выселения нарядчиков был помещен на некоторое время в комнату при строительной конторе вместе с шофером и возчиком. Потом меня снова расконвоировали и поселили вне зоны.

Встреча нового, 1950 года была организована в спортивном зале для вольнонаемного состава и офицеров лагеря. Оформление помещения и вся организация вечера была проведена заключенными-девушками культурно-воспитательной части, которые предложили мне нелегально участвовать в бале-маскараде, надев маску. Я согласился и инкогнито веселился и танцевал с вольнонаемными женщинами и женами офицеров. По окончании маскарада я незаметно удалился. Это было самое светлое и острое переживание за все восемь лет моего заключения.

Часть IV

Моя третья жизнь

Освобождение

Первая моя жизнь – моя юность и молодость, вторая – время заключения, лагерь, третья – после лагеря – в основном связана с моей второй женитьбой.

Итак, по порядку. Пятнадцатого февраля 1951 года меня, сорокалетнего, досрочно освободили с учетом зачетов*. Я был назначен начальником строительного участка управления строительства Норильского комбината. Мне поручили строительство здания управления комбината, гаражей автобусного парка и многоэтажных домов в самом городе.

На одном из объектов работали бригады каторжан, в их составе – бригада каменщиков во главе с бригадиром-одесситом Капланским, осужденным за изнасилование. Этого человека я однажды уличил в устройстве тайного помещения, куда он заманивал заключенных, получивших посылки, и обирал их. Когда я ликвидировал это помещение, Капланский зашел в мой кабинет и начал на повышенных тонах доказывать, что у каторжан своя особая жизнь, в которую мне не следует вмешиваться, затем он начал закатывать истерику и хотел меня ударить. Я крепко схватил его за руки, однако он, будучи в истерическом состоянии, пытался ударить меня головой и кусать. Выручили меня вбежавшие на шум прорабы. После этого на стройке на меня стали падать кирпичи и даже бревна, по счастью, мимо.

Однажды меня пригласил к себе оперуполномоченный каторжанского лагеря и предупредил, что я проигран заклю-

* В конце 40-х – начале 50-х годов заключенным, отбывавшим срок на Крайнем Севере, за перевыполнение плана до 150% один день заключения засчитывался за два, а 151% и выше – за три. Теоретически двадцатипятилетний срок можно было отбыть за 8–9 лет.

ченными в карты и меня вот-вот могут убить. Он посоветовал мне перевестись на другой участок или же встретиться с проигравшим меня каторжанином. Я выбрал последнее.

Мне дали два кинжала лагерного изготовления, назвали фамилию человека и номер барака, а подстраховывать назначили дежурного надзирателя.

В условленное время, поздним вечером, я явился в лагерь, где меня уже ждал надзиратель, проводивший меня до барака и оставшийся за дверью. В бараке при тусклом свете я увидел лежащих на нарах заключенных и громко спросил: «Где Коновалов?» Мне указали, я его растолкал и громко спросил, проиграл ли он меня в карты? Если да, то я пришел, согласно их закону, драться на кинжалах. Нас плотно окружили проснувшиеся каторжане. Я сильно волновался, чувствуя их дыхание на своем затылке. Коновалов мычал что-то непонятное, тогда я потребовал, чтобы он громко сказал, проиграл меня или нет.

Мой расчет на трусость уголовника оправдался, он, в конце концов, во всеуслышание произнес, что никого не проигрывал. Растолкав окружавших меня каторжан, я в испарине вышел из барака.

На следующий день узнал, что Коновалову ночью отрубили голову. Таковы их лагерные законы. После этого преследования прекратились.

Строительство в Курейке

В 1951 году, в ознаменование дня рождения Сталина, в Курейке на берегу Енисея строился мемориальный комплекс, включавший избушку, где в ссылке жил Сталин. В те времена строительство это было особой важности. В качестве рабочих использовались власовцы.

С наступлением лета меня назначили туда начальником строительного участка. Строительство комплекса велось выше сталинской избушки, поскольку та находилась в зоне возможного затопления. В связи с этим мы вынуждены были разобрать избушку и перенести ее в здание мемориального

комплекса. Деревянные стены оказались совершенно гнилыми и рассыпались, пришлось сложить избушку из новых бревен, предварительно их закоптив.

Когда надо было установить перед мемориальным комплексом бюст И.В. Сталина, нам было сказано, что его должны устанавливать рабочие с «чистой» биографией, которых в Курейке не оказалось. Их с трудом набрали в Норильске и доставили самолетом специально для этой цели.

Во время разлива Енисея я получил указание управления Норильского комбината организовать спасение рабочих подсобного хозяйства комбината из затопленного поселка, расположенного в сорока километрах выше Курейки. Это были крестьяне, переселенные из Западной Украины.

Когда наши три баржи, буксируемые тремя катерами, прибыли на место, то бараки и коровник были затоплены до крыш, на которых сидели со своим скарбом и скотом (свиньями, коровами и курами) украинки с детьми. Погрузив всех на баржи, мы поплыли по Енисею с песнями, мычанием коров, бляением баранов и криками петухов.

В Курейке я подружился с интересным человеком – механиком Николаем Павловичем Епишевым. Это был блондин высокого роста с очень красивым лицом и ясными голубыми глазами. Мы с ним подолгу интересно беседовали и делились воспоминаниями. Дружеские отношения мы сохранили вплоть до его отъезда в 70-х годах.

Однажды утром я увидел на Курейском рейде моторно-парусное судно – шхуну «Полярная». Подъехав к нему на катере, я познакомился с капитаном – человеком исключительно мужественного вида по имени Константин. Он был по-военному подтянутый, интеллигентный, доброжелательный.

Я пригласил его на берег и узнал, что он во время войны командовал торпедным катером и однажды самовольно, без разрешения командования торпедировал немецкое грузовое судно, за что и был наказан – переведен в северный гражданский флот.

За обедом с обильными возлияниями я выяснил, что он двоюродный брат моей ленинградской приятельницы

Марины Мухранской и что они являются потомками героя 1812 года полководца князя Багратиона Мухранского. Его сестра была женой писателя Зоженко.

Пока шхуна стояла под выгрузкой, мы с ним провели три дня в интереснейших разговорах. Это совпало с приездом ко мне в гости на Курейку моего племянника – студента Алексея Бармина с матерью – моей сестрой Ириной.

После выгрузки шхуны Константин предложил доплыть с ним до Игарки, чтобы подобрать там лес для нашего строительства. Я охотно согласился, и мы с племянником пришли на шхуну. Вместо каюты мы расположились на палубе, на расстеленных тулупах и провели сказочную лунную ночь под плеск волн и шелест парусов.

От Курейской эпопеи осталось воспоминание о посещении домика бакенщика – крепкого старика с седой бородой, который оказался ссыльным профессором музыки Ленинградской консерватории. В его неказистом снаружи домике мы вдруг увидели концертный рояль и красивую пожилую даму, его жену, которая нас на славу угостила рыбными блюдами.

По окончании строительных работ нужно было придать сталинской избе жилой вид, что мы и сделали, собрав по всему селу Курейка старую мебель. В августе 1951 года ожидался первый приезд экскурсантов. Встречать их готовился один из современников Сталина по фамилии Деев, которому мы построили хорошую избу со скотным двором. В день прибытия экскурсии он, как всегда, был в нетрезвом состоянии, поэтому музейные работники были вынуждены поддерживать его под руки.

Деев был представлен как человек, хорошо знавший Сталина в Курейке. Молодые экскурсанты окружили его и закидали вопросами: какая была внешность у Сталина, как он себя держал, каков был в обращении с людьми... На что Деев отвечал: «Он был небольшого роста, кривоногий, конопатый; он любил ловить рыбу, много курил, на политические темы не разговаривал». Эти ответы не соответствовали представлениям молодых людей о Сталине, и после двух таких экскурсий Деев был отставлен.

Норильск

Завершив строительство курейского комплекса, я получил перевод в Норильск начальником участка Горстроя, где рабочими и инженерно-техническим персоналом были заключенные из спецлагеря. Среди них были дипломаты, юристы, разведчики. Наиболее колоритной фигурой был квалифицированный мастер кирпичной кладки – японец Мари-хава. Он представился, по-военному вытянувшись: «Бывший полковник генерального штаба, разведчик, а по-вашему – шпион». Все строительные работы, выполнявшиеся под его руководством, были высокого качества. У рабочих он пользовался авторитетом.

На участке я столкнулся с отсталыми методами строительства и нарушениями технологии: кирпич перевозился навалом в железнодорожных платформах, сборный железобетон не применялся, основные перекрытия даже многоэтажных жилых домов были деревянными или монолитными железобетонными. Бетон вручную перегружался в металлические тачки, которые поднимались на соответствующий этаж на место укладки. Оконные блоки поступали на стройплощадку неостекленными и стеклились на месте в неудобных условиях.

Обо всем этом мною была составлена докладная записка руководству конторы «Горстрой» с соответствующими рекомендациями: максимальная контейнеризация всех штучных грузов, особенно кирпича, перевозка бетона бетоновозами в специальных контейнерах на автомашинах, выгружаемых кранами непосредственно на месте его укладки, комплексная обработка оконных и дверных блоков на месте их изготовления и установка в готовом виде; замена монолитного железобетона в лестничных площадках и перекрытиях санузлов на сборные, с изготовлением их на полигоне непосредственно в радиусе действия башенных кранов, с последующим переходом на такое же изготовление железобетонных балок и плит междуэтажных, чердачных и цокольных перекрытий... Все эти предложения были встречены в штыки на первом техническом совете проектной конторы. Объяснялось

это тем, что работали там инженеры-старожилы, привыкшие к дармовой рабочей силе, и молодые специалисты, до приезда в Норильск не видевшие другихстроек.

Уверенный в своей правоте, я начал борьбу – написал соответствующий рапорт вновь назначенному директору комбината А.А. Логинову, в результате чего был созван технический совет на более высоком уровне. Все мои предложения были приняты и установлены сроки их выполнения. Такой поворот событий обострил мои отношения с местными старожилами-строителями, но я стал пользоваться доверием руководства комбината. Вскоре меня командировали в Москву и на другие стройки для изучения передового опыта и использования его в Норильске. Это была моя вторая поездка «на материк».

Первая поездка в Москву

В первый раз я поехал в 1952 году, вскоре после окончания срока, при этом без снятия судимости, что не давало права проживания в Москве и в столицах республик. Со сменной обстоятельством я стал задумываться о переменах в моей личной жизни – моя первая семья распалась еще до войны.

Эта моя поездка была оформлена как командировка, объединена вместе с отпуском, что давало мне право прожить на материке два месяца. Я получил 13 тысяч рублей. Двенадцать тысяч я положил на аккредитив и отправился в путь с маленьким деревянным чемоданчиком лагерного изготовления, в котором лежали смена белья, документы об освобождении, паспорт и искусно сделанный пистолет-зажигалка.

В Москве я сразу же направился к моей сестре Ирине, а от нее – с племянником Алексеем в Центральные бани. А оттуда в гастроном Елисеева, купить хорошие продукты, а затем поехали к моей матери на дачу в Хотьково.

В электричке я поставил свой чемодан на нижнюю полку, а пакет с продуктами стал укладывать на верхнюю. Вдруг мне кричат: «Ваш чемодан украли!» – я только и увидел мелькнувшего на перроне человека с моим чемоданом. Видимо, он следил за мной, начиная с гастронома, где я, покупая продук-

ты, вытащил у кассы всю пачку денег и, конечно, волновался необычностью обстановки, возможностью купить что хочешь, своей свободой и встречей с Москвой. Словом, я обратил на себя внимание и за это поплатился. Приехав в Москву и решив жениться, я вдруг оказался без каких-либо документов с полутора тысячами наличными в кармане. Заявил о случившемся в железнодорожную милицию и в сберкассе, указал номера аккредитивов – я их всегда переписываю, – и мы с племянником в сильно испорченном настроении направились на дачу к маме.

На следующий день в сопровождении моей племянницы Маши Некрасовой, дочери сестры Татьяны, я пришел в бюро находок Управления милиции Москвы на Петровке. Каковы же были удивление и радость, когда на мой вопрос девушка в окне высыпала на подоконник коробку с денежными аккредитивами, паспортом, фотографиями и документами об освобождении. Пропали только вещи, пистолет-зажигалка и чемодан. В этом поступке проявилась солидарность вора с освободившимся из лагеря бывшим заключенным. Вор оказался честным.

Но тут начались новые приключения: при попытке получить деньги по аккредитивам в сберкассе меня попросили подождать, а минут через двадцать появился человек в милицейской форме и потребовал доказательства, что я есть я, а не похититель аккредитива.

Женитьба

С этого момента началась моя жениховская деятельность. В сорок один год я был спортивного телосложения, на мне был сшитый в Норильске скромный серый костюм, коричневое кожаное пальто и кепка. Денежный капитал в 13 тысяч рублей по тем временам был не очень большим, однако я был полон надежд, что все плохое уже позади, и веры в новую прекрасную жизнь.

Меня приютила двоюродная племянница Любочка Висковская. Мне было очень приятно жить в старой московской квартире с близкими милыми людьми – племянницей, ее пяти-

летней доченькой и мамой Любовью Николаевной. Единственным неприятным обстоятельством было то, что в ночи свиданий Любочки с поклонником, отцом ее дочери, я должен был до часа ночи кататься на метро, а затем всю ночь до открытия его бродить по улицам. На дворе стоял март.

В этих условиях началось мое сватовство, в котором принимали участие многочисленные родственники. Оно началось с моего посещения проектного института Академии архитектуры, где работала двоюродная сестра Соня Полуэктова и где ею были приготовлены несколько кандидатур. Можно представить себе мое положение, когда я вошел в большой проектный зал и меня стали критически изучать несколько десятков женских глаз...

Там меня познакомили с одной из самых красивых женщин Москвы того времени – архитектором Элей Гаджинской. Знакомство мы начали с ужина в ресторане, в течение которого я все время чувствовал ее скептически изучающий взгляд. Естественно, что за время моего пребывания в лагере я сильно омужланился и поэтому чувствовал себя весьма неловко перед такой изысканной женщиной. Итогом нашей встречи было дружеское знакомство.

Мое дальнейшее сватовство носило тривиальный характер – я ходил по многочисленным приглашениям, в глупейшем состоянии знакомился с представляемыми невестами и покидал их без сожаления. Наконец иссякли все варианты и до конца моего отпуска оставалось совсем немного, около трех недель.

Я почти отчаялся найти себе невесту, и тогда Любочка вдруг вспомнила, что наша дальняя родственница Милица Сергеевна подготовила для меня кандидатуру, которую считает моей «судьбой», при этом Любочка заметила, что от этого варианта она ничего путного не ожидает, хотя сама она эту девушку не знает. Я попросил ее немедленно организовать встречу, которая и была назначена на ближайшую пятницу, в квартире Милицы Сергеевны и ее мужа Генриха Густавовича Нейгауза, профессора музыки. Но встреча не состоялась из-за болезни хозяина.

Время поджимало, я попросил дать мне телефон и имя невесты; из ближайшего автомата позвонил ей и представился «женихом из Норильска»... В телефонной трубке слышался лай собаки и растерянный мелодичный голос. На мое предложение встретиться она сказала: «Сейчас спрошу у мамы». После продолжительного молчания и лая собаки мне предложили встретиться на следующий день, но я решил брать «быка за рога». После дополнительного совещания с мамой и опять лай собаки мне назначили свидание в 8 часов вечера около памятника Островскому у Малого театра. Впоследствии, приезжая в Москву, мы приносили к его подножью цветы.

В назначенное время появилась высокая худенькая девушка в зеленом демисезонном пальто, с ярко накрашенными губами и ресницами, что у нас в Норильске в то время совершенно не было принято, но я прославился разборчивостью, и подруги посоветовали ей появиться именно в таком виде, а то мне, видите ли, все невесты нехороши... Увидев ее, я почувствовал разочарование.

Для того чтобы соблюсти приличия и не расстаться сразу, я пригласил девушку пойти в кино, и мы подошли к кинотеатру «Метрополь». На наше счастье, билетов в кассе не оказалось, и я предложил поужинать в ресторане.

На свою будущую невесту я также произвел невыгодное впечатление и внешне – я был не такой красавец и не так высок ростом, как ей описали, а мое кожаное пальто, которым я по моим довоенным представлениям гордился, у нее ассоциировалось с агентом тайной службы, – да и мое отчужденное выражение лица не очень располагало к знакомству.

В ресторан она идти не захотела, заупрямилась и застенялась, раньше никогда в ресторане не была и одета была не в вечерний туалет, в котором, по ее понятиям, надлежало ходить в ресторан. Но я настоял, и мы вошли в «Метрополь».

Мы уютно устроились за двухместным столиком и провели вечер в задушевной беседе. Танцую с ней, я был покорен обаянием ее женственности, мягкой доверчивости, почувствовал непринужденность и потребность в откровенном

разговоре. Я рассказал ей о своих жизненных перипетиях, главное – о своем непрочном социальном положении. Все, что я говорил, воспринималось с весьма располагающей чуткостью. Это вызывало все возрастающую теплоту и нежность.

В ответ на мое повествование Лариса рассказала мне про свою жизнь и о том, что как раз в этот день она гуляла на Воробьевых горах с молодым человеком, тоже архитектором, что у них возникло чувство взаимной симпатии.

Это был вечер, о котором можно сказать словами Шекспира: «Она меня за муки полюбила, а я её за сострадание к ним...». С того вечера у нас появилась потребность в ежедневных встречах, а время все приближалось к отъезду...

В один из дней она пригласила меня к себе домой, ее чудесная собака-колли Рени бросилась ко мне как к родному ласкаться.

Потом мы поехали на дачу к моей маме, и я с трепетом в душе сделал в этот вечер предложение. Лариса была настолько потрясена всем случившимся и перспективой отъезда из родного дома, что совершенно перестала есть и таяла на глазах. Мать и подруги советовали ей повременить с поездкой на Север, но наши судьбы были уже связаны, и дело было решено в мою пользу.

Директор комбината В.С. Зверев оказался в это время в Москве, я представил ему Ларису как молодого архитектора для приглашения на работу в Норильск. Она произвела на него положительное впечатление и получила официальное приглашение на работу, а также «подъемные» деньги.

Бедные, испуганные перспективой временно неофициального брака и отъезда дочери, родители Ларисы были несколько успокоены пышной свадьбой в квартире профессора Нейгауза. В огромной сдвоенной комнате был накрыт большой стол, по обеим сторонам которого сидели родственники и друзья, мои и Ларисы.

А через день все они провожали нас на поезд, отправляющийся в Красноярск, из окна вагона мы видели встревоженные и напуганные лица, но мы были влюблены, верили друг другу и смело смотрели в жизнь...

Связав свою судьбу со мной, вчерашним заключенным, изгоем, она променяла Москву на холодный Север, и в этом сказались унаследованные ею твердость и благородство русского женского характера.

Встреча со старшей дочерью

Несмотря на свою счастливую женитьбу, я тосковал по своей дочери Татьяне, теперь уже взрослой, встречи с которой мне запретила ее мать. Я узнал ее адрес, номер ее школы, но все не мог решиться навестить ее, и вдруг узнал, что она упала, катаясь на горных лыжах, сильно разбила голову и лежит дома. Я послал ей через гастронорм Елисеева корзину с фруктами и цветами, которая не была принята. Вскоре я поручил своему племяннику Алексею Бармину встретиться с Таней в ее школе и передать от меня письмо, в котором рассказал о постигшей меня судьбе и причинах, нас разъединивших. Рассказал о своем освобождении и о сильном желании принять участие в ее жизни, в конверт я вложил деньги на текущие расходы. Спустя некоторое время я получил теплое ответное письмо, из которого понял, как ей трудно живется в семье отчима.

Я пригласил Таню погостить у меня в Норильске. Она прилетела через некоторое время, и я встречал ее на аэродроме. Меня поразили ее слова: «Кажется, вы мой папа». Лариса была в это время в командировке, и мы жили несколько недель вдвоем, у нас сложились хорошие отношения. С этого времени она жила на моем иждивении вплоть до окончания института и замужества. Дважды она вместе с нами ездила на курорт: в Карелию, в санаторий, расположенный в живописной местности на бывшей финской территории, и в наш сочинский санаторий «Заполярье». Она была в расцвете юности, и вокруг нее вились молодые люди, одного из которых даже звали Ромео.

Вдвоем в Норильске

Норильск в начале пятидесятых годов представлял собой действующий горно-металлургический комбинат и грандиозную стройку как объектов промышленности, так и будущего многоэтажного города. Идея создания полноценного комфортабельного города на Севере, требующая решения многих инженерно-технических и архитектурных проблем, связанных с вечной мерзлотой и экстремальными природными условиями, принадлежала А.П. Завенягину. Он поставил перед проектировщиками нелегкую задачу, над разрешением которой они трудились в те годы.

В результате в высоких широтах, на вечной мерзлоте выросла группа городов: Норильск, Талнах, Кайеркан с населением около 280 тысяч человек.

В те годы проектирование и строительство велось в основном заключенными. Вся территория представляла собой огромный лагерь из двух десятков отделений. Жилой поселок, в котором жили вольнонаемные и поселились мы с женой, был окружен со всех сторон огороженными колючей проволокой лагерными зонами.

В отделе кадров, куда после приезда пришла оформляться Лариса, ее спросили: «Вы первый раз в лагере?» Вопрос прозвучал для нее странно и не совсем понятно...

Многое у Ларисы вызывало чувство протеста и страдания к подневольным людям, с которыми ей пришлось работать в промышленном отделе Норильской проектной конторы. Коллектив состоял в основном из заключенных, как правило, образованных, умных, талантливых и знающих, а вольнонаемные специалисты, словно подобранные для контраста с ними, были в основном серенькими, но исполненными сознания своего величия и вседозволенности, эдакие «белые люди».

Исключение составляли руководители, которые всегда были личностями большого масштаба. Например, начальник проектной конторы Александр Павлович Кушнев, главный

инженер Ефим Корнеевич Стрельцов, руководители бригад Николай Николаевич Бойков, Борис Львович Шер, Серафим Федорович Румянцев и другие. Почти все бывшие заключенные, они остались работать в Норильске.

С жалостью смотрели мы с Ларисой на колонны заключенных, отправлявшихся под конвоем после работы в свои бараки, особенно колонны молоденьких девушек, над которыми издевались молодые парни конвоиры, на виду у всех заставляли то сидеть на снегу, то вставать, то бежать, то стоять...

По дороге на работу каждое утро нам встречались три старика – может быть, они казались такими – бывшие и будущие академики, которых как особо опасных преступников вели два солдата с винтовкой наперевес и с собакой. Среди них был и основатель Норильска и комбината, ныне всемирно известный геолог Н.Н. Урванцев.

В проектной конторе Лариса работала среди заключенных инженеров. Ей дико было видеть, как умных, интеллигентных, общительных людей после работы уводили строем и за ними шел конвой.

Семейная жизнь

Наша семейная жизнь с Ларисой продолжается 36 лет счастливо, с большой взаимной помощью и пониманием. У нее общительный характер, умение собирать настоящих друзей, создавать не только домашний уют, но и атмосферу непринужденности и легкости общения. Благодаря этому к нам всегда тянулись самые разные интересные люди. В нашем доме бывали бывшие дипломаты, ученые, артисты.

Мы часто ходили в кино и на концерты в Дом инженерно-технических работников. В те времена в Норильске жили и давали концерты артисты оперетты, львовская капелла, великолепная балерина Капдарова. Работал драматический театр и театр музыкальной комедии.

Лариса совершенствовалась в своих профессиональных знаниях, параллельно с работой преподавала в техни-

куме, а потом и в институте, работала восемь лет Главным архитектором города, защитила диссертацию, заведовала кафедрой, ныне она профессор на кафедре архитектуры. Ее увлеченность заставила и меня заняться наукой. Поначалу беспомощная, наивная девушка, она превратилась в «женщину-комбайн».

Мы исходили с ней окрестности Норильска, много путешествовали на пароходах и по рекам, и по Черному морю, ходили в туристские походы по Крыму и Кавказу. В 1961 году мы совершили круиз по Дунаю, посетили пять стран.

На десятый год нашей жизни у нас родилась дочь Аннушка. Она была очень миловидным, способным ребенком и принесла нам много радости и счастья. Окончив школу в Норильске, она неудачно вышла замуж и теперь одна воспитывает нашу маленькую внучку Настюшу. Аня талантлива и артистична, она учится на третьем курсе заочного института культуры и готовится стать режиссером. Несмотря на неровности и трудности ее характера, я возлагаю на нее большие надежды.

Путешествуя по Кавказу в конце пятидесятых годов, мы попали в Гагры, с которыми у меня связаны воспоминания молодости, и купили участок и половину недостроенного дома. Участок мы освоили и достроили дом с помощью Ларисиных родителей. Мы очень любим этот дом, ежегодно встречаемся там с друзьями. В Гаграх я подружился с замечательным человеком и ученым Сергеем Степановичем Вяловым. Благодарю судьбу за встречу с ним.

Со времени моей женитьбы, собственно, и начался мой третий этап жизни, в котором было много очень интересного, радостного. А в тревожные и печальные времена всегда опорой мне была моя самоотверженная жена.

Снегозащита

Норильск расположен в зоне сильных снегопереносов: в течение 80–100 дней в году через территорию города переносится масса снега, сдуваемого с замерзших озер и возвышенностей (через один километр фронта застройки

переносится до полутора миллионов кубических метров снега). Снежные заносы затрудняли освоение территории.

Первый, кто поставил снегозащиту дорог комбината на научную основу в 1940-х годах, был инженер Потапов – «снежный дед». Им были разработаны снегозащитные снеговыдувающие щиты, позволившие построить узкоколейную дорогу и дороги к рудникам. Однако эксплуатация дорог и всей территории комбината, поселков и города требовала огромного объема ручного труда. Основная масса заключенных Норильского лагеря занималась расчисткой территорий от снега, обеспечивая бесперебойность работы дорог, рудников и промышленной площадки. И после того как тысячи заключенных были освобождены и покинули Норильский район, Норильск подвергся зимой 1954/55 года суровому испытанию. Снежные заносы покрыли дороги и всю территорию, нарушилась работа комбината и вся жизнь в городе.

Начались разговоры, что зря закрывают лагерь, без него город не может существовать... Люди, заинтересованные в сохранении старых порядков, нагнетали обстановку. Многие заводы и учреждения простаивали, служащие и рабочие были подняты на снегорасчистку рудника и промплощадки, но это было малоэффективным, и комбинат впервые не выполнил план. В этих условиях проблема снегозащиты комбината приобрела первостепенное значение.

В мае 1955 года готовилось постановление директора комбината Логинова по этому вопросу. Он вызвал меня и предложил на любых условиях заняться решением проблемы снегозащиты. Я согласился организовать научную лабораторию и цех механизированной снегоборьбы с последующей разработкой конкретных мероприятий.

Обобщив весь имеющийся в Норильске научный материал и практический опыт, я пришел к заключению, что применявшиеся до того времени деревянные снегозащитные ограждения недостаточно эффективны для защиты территорий и что необходимо провести комплексные аэродинамические исследования снеговетровых потоков, выявить их закономерности и разработать новую научно обоснованную систему снегозащиты.

Директор комбината с этим согласился, был выделен штат в пятнадцать человек – специалистов различного профиля – и транспортные средства. Мы начали работу с изучения всех мест снеготаносов в конкретных условиях рельефа и одновременно собирали сведения об имеющемся в Союзе снегоуборочном оборудовании. Кроме того, я изучил методы снегоборьбы в институте железнодорожного транспорта, научно-исследовательские работы Дюнина, Комарова, Потапова и других.

Начать работу пришлось с нуля, поскольку не было базы для механического оборудования, служебных помещений, не считая полученной в наследство конторы эксплуатации дорог, использовавшей исключительно ручной труд.

В создавшихся условиях для скорейшего разрешения проблемы мною был разработан проект приказа по комбинату, предусматривающий: срочное строительство гаражей для снегоуборочной техники, мастерских, служебных помещений; подготовку всех предприятий комбината к снегозащите под личную ответственность их директоров, путем освобождения территорий от навалов материалов и создания условий максимальной продуваемости территорий; в отдельных случаях – строительство соответствующих снегозащитных сооружений. Вся бульдозерная техника должна была быть подготовлена к первому октября 1955 года. Ежемесячный контроль выполнения приказа должен был проводиться на специальной директорской планерке.

С осени начала функционировать научно-исследовательская лаборатория. В ее составе мы организовали четыре съёмочные группы, в задачи которых входили замеры скоростей ветра для определения его влияния на снегоотложения в условиях различного рельефа и типов застройки.

В результате нам удалось выявить зависимость величины снегоотложений от различных факторов. Стало ясно, что снежными отложениями можно дирижировать. Снег можно оставить лежать на одном месте, а можно заставить улететь. При строительстве в пурговом районе необходимо не пускать в пределы городской и промышленной застройки тысячи тонн снега, а оставлять его в отведенных для этого

местах. У Норильска образовалось как бы четыре мощных вентиляционных канала – кухня ветров находится в ущельях Каскадное, Барьерное, Угольный ручей и Купец, через которые с разных сторон направляются потоки ветра со снегом. «Противодействием мириадам колючих снежинок, поднятых ураганом с бескрайних просторов тундры, которые могут обрушиться на город, – писала об этом в те дни газета «Правда», – должен быть комплексный метод снегозащиты и снегоборьбы».

Как мы выяснили, снегозащита должна закладываться в проектах расположением улиц по отношению к розе ветров, в конфигурации зданий и в форме кровли, в системе застройки микрорайонов и дворов.

Снегозащита дорог нами была усилена объездными снежными дорогами из уплотненного снега. Кроме того, возникла довольно рискованная идея – не прятать полотна дороги за щитами или снежными отвалами, а наоборот, приподнять его, открыть всем ветрам. Пусть они сметают то, что нанесено сюда снегопадами.

При освоении только что открытого месторождения Талнаха наш главный противник, ветер, окончательно превратился в союзника и был выстроен «первопутком»: механизаторы сделали бульдозером только две бровки, и в первую же метель между ними скопилось столько снега, что осталось лишь утрамбовать и укрепить его. Была сконструирована особая «гладилка», уплотняющая огнеметом снег. По истечении десяти часов такая снежная дорога могла пропускать трехтонные грузовые машины, а через два дня – транспорт любой грузоподъемности.

Этим методом за трое суток была построена зимняя дорога длиной в 12 километров, что позволило сразу же забросить на новую строительную площадку Талнаха 110 тысяч тонн груза. Мы определили также, что если автодороги и железнодорожные пути прокладывать на насыпях, превышающих снежный рельеф на тридцать сантиметров, и не допускать с наветренной стороны застройку или загромождение временными сооружениями или навалами материалов, грунта или снега, то дороги не будут заноситься снегом.

На основе проведенных исследований и экспериментов мною была разработана теория снегозащиты и снегоборьбы, которую я отразил в статьях, книге и защитил в кандидатской диссертации.

В результате нашей практической деятельности уже в зиму 1955/56 года не было простоев предприятий по причине снежных заносов и прекратились авралы рабочих и служащих, мобилизованных на расчистку путей.

Увлечение автомобилизмом

Еще со времен моей юности, когда я приезжал в Ленинград к дядюшке Сергею Петровичу Федорову, мне разрешалось водить самостоятельно машину иностранной марки. После освобождения и женитьбы я увлекся автомобилем, не мыслил без него отпуск.

Запомнились забавные случаи. В наше первое путешествие в 1957 году на «Волге», взятой напрокат в Москве, мы ехали через Харьков, Киев, Одессу до Черного моря, затем на пароходе, погрузив машину на палубу, до Сочи и далее своим ходом в Гагры. С нами в качестве компаньона ехал мой давний приятель по Москве Сергей Васильевич Абрамов – человек высокого роста и очень грузный. Он сидел рядом со мной, а Лариса на более безопасном заднем сидении. Они наперегонки и вразной давали мне советы, куда ехать и куда крутить руль, соперничали в главенстве и при этом слегка цапались. Комизм путешествия заключался в том, что как только мы отъехали от Москвы, сел аккумулятор и машина не заводилась без разбега, а также все время заклинивался замок передней правой дверцы. В связи с этим мы делали остановки только на пригорках, с которых вручную дружно ее скатывали, пока не заводился мотор. Это было бы полбеды, но случалось, что мотор останавливался посреди пути, и тогда Ларисе приходилось выскакивать из машины и одной толкать ее вместе с поклажей и двумя седоками, а мимо проносились автомашины и не находилось помощ-

ников. В Одессе это произошло на трамвайных путях, на нас с громким звоном надвигался трамвай, Сергей Васильевич сидел за заклиненной дверцей, я у руля, а Лариса со страху бегом откатила «Волгу» в безопасное место.

Все это воспринималось как мелочи. Мы с Ларисой были влюблены друг в друга, и ничто не омрачало наших отношений. Запомнилось путешествие из Москвы в 1981 году уже на нашей собственной «Волге» в Дзинтари через белорусские леса, очень густые, порой мрачные, живо напомнившие о партизанской борьбе во время войны. По дороге мы выкупались в холодной и быстрой Даугаве, которая чуть не унесла Ларису, изрядно ее напугав. В этой поездке я познакомился и подружился с замечательным человеком – врачом-рентгенологом из Воронежа Александром Ивановичем Урминским, ставшим мне большим другом.

Однажды мое путешествие чуть не окончилось трагически. После отпуска на даче в Гаграх я на машине возвращался в Москву вместе с отцом Ларисы Григорием Сергеевичем. Начинаясь ноябрь, дороги были сырыми, становилось все холоднее и холоднее, наконец где-то в Центральной России мы попали в туман и гололед. Ехали осторожно, но все же на приличной скорости, чтобы поскорее миновать неприятные места. Вдруг вижу, напротив, с горы летит навстречу мне грузовая машина с прицепом, который вихляет из стороны в сторону, да и сама машина тоже. Шофер пьян, – пронеслось в голове, столкновения не избежать...

В последний момент я пошел на рискованный шаг и, крикнув отцу «Держись!», направил машину под откос довольно высокой насыпи. Мы как бы прыгнули в сторону с разбега, при этом не перевернулись, а развернулись вперед багажником, который раскрылся, и из него вылетела и разбилась бутылка красного вина, забрызгав все вокруг. Машина тоже остановилась, из нее выскочили два человека, которые с ужасом глядели на нас, а потом помогли затащить машину на дорогу; мотор завелся, и мы поехали.

Отделались, как говорится, легким испугом, но, видимо, именно в это время отец Ларисы перенес инфаркт:

вернувшись домой, он пролежал пластом два месяца – не было сил подняться, – а впоследствии врачи определили у него на сердце инфарктные рубцы.

Самое большое путешествие на машине я совершил вдвоем с приятелем, перегоняя машину, купленную в Норильске, в Москву. Путь был железной дорогой до Дудинки, паромом вниз по Енисею до Красноярска, затем через Сибирь и Европейскую часть до Москвы. Ехали мы на двух машинах, во второй были норильский врач-психиатр Осипов со своей женой. Путешествие было и трудным и интересным. Я вел дневник и все подробно записывал, особенно поражали плохие дороги между городами, которые порой почти прерывались.

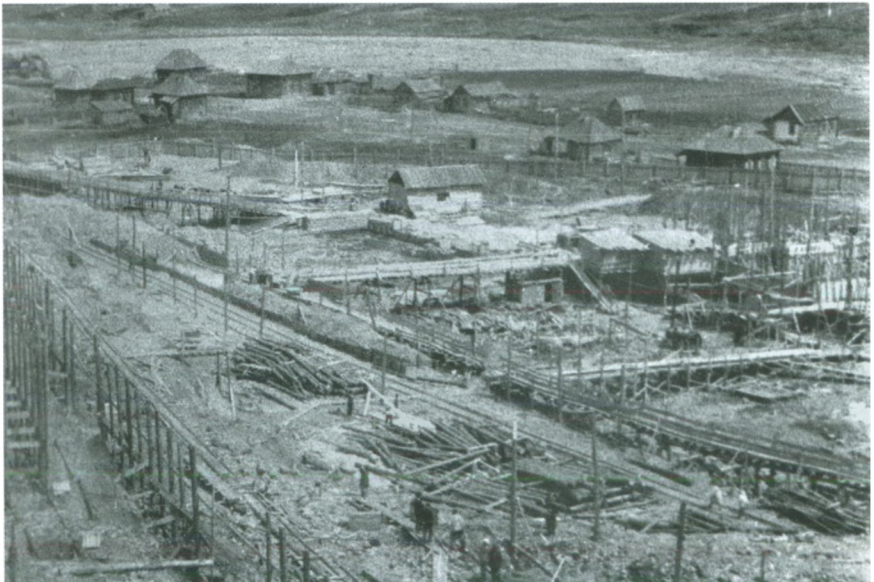
На пути следования из Горького мы попали в сильный ливень, и я решил заехать во Владимир и остановиться у моего двоюродного брата Сергея. Нас прекрасно приняли; во время ужина в квартиру вдруг вошел сухопарый, весьма подтянутый пожилой человек, сосед брата, и представился: Василий Витальевич Шульгин.

Зная о Шульгине по истории и по книгам, я с интересом беседовал с ним с восьми часов вечера до трех ночи. Он поведал мне об основных событиях своей жизни. Характерно, что на вопрос советского судьи в 1945 году, признает ли он себя виновным, Шульгин ответил: «На каждой странице моя подпись. Я подтверждаю свои дела. Но вина ли это, или это надо назвать иным словом – это предоставьте судить моей совести».

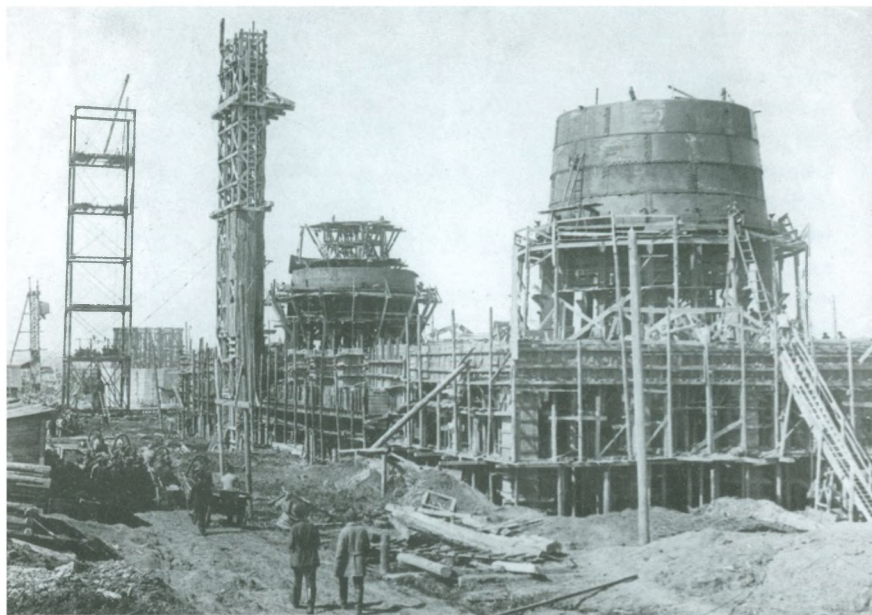
Вторая моя встреча с ним произошла в Гаграх, где он отдыхал вместе со своей супругой. Я его случайно встретил в парке и пригласил домой. На балконе нашей дачи под южными звездами он рассказывал о жизни русских эмигрантов во Франции, об их политических разногласиях. Особенно красочным был его рассказ о параде армии в Париже во время похорон великого князя Николая Николаевича, куда съехались со всей Европы эмигранты; офицеры и генералы были одеты в сохранившуюся у них парадную форму.

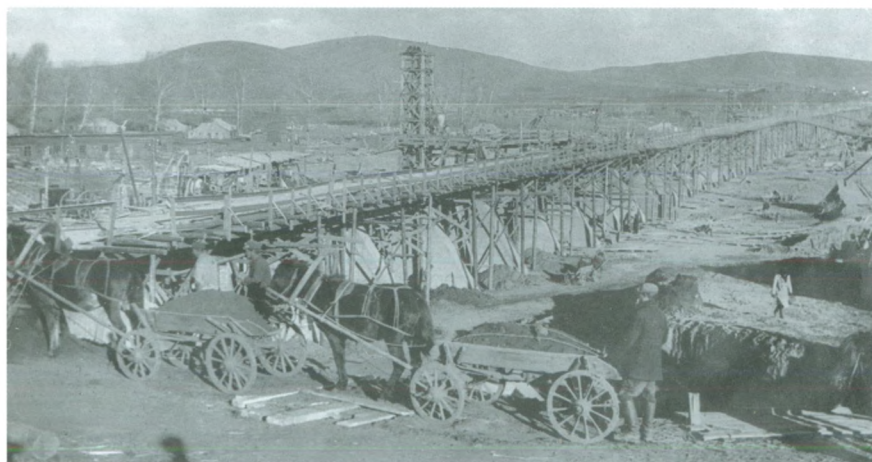
Владимир Евгеньевич Полуэктов

Магнигострой. 1931 год

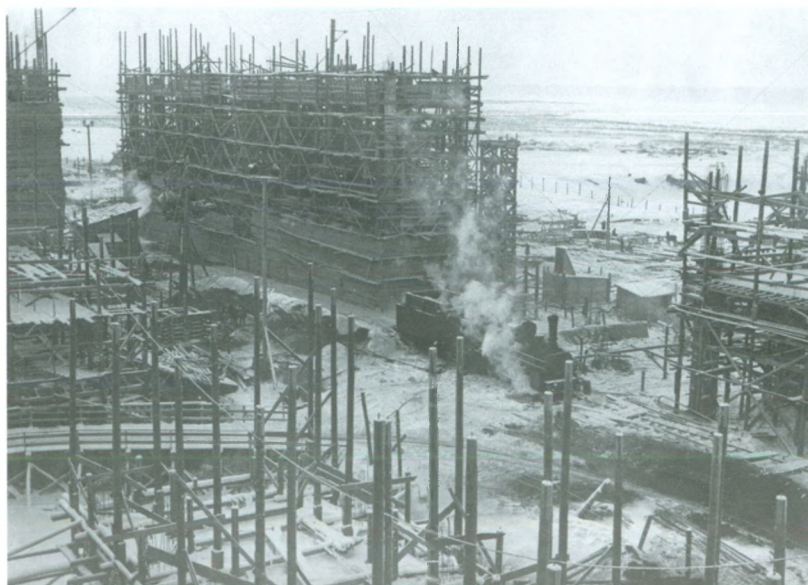
Магнитострой. 1931 год

Строительство плотины длиной 1 км на реке Урал. 1931 год

Магнитострой. Строительство первой очереди доменного цеха

Строительство на Риддере. 1939 год

Испытания свайного основания
150-метровой трубы в научно-
исследовательской подземной
лаборатории.
Справа Владимир Полуэктов

Расчистка железнодорожных путей. Норильск. 1950-е годы

Владимир Полуэктов возле нового спортзала. Норильск. 1952 год

Расчистка дороги

Лариса Назарова и Владимир
Полужков.
Норильск. 1950-е годы

Летом в Норильске

Родители Ларисы – Григорий Сергеевич и Елизавета Владиславовна
Назаровы. Март 1954 года

Дочке Аннушке 6 недель.
Москва. 1962 год

Владимир Полуэктов с женой, младшей дочерью
Анной и внучкой Настенькой. Норильск. 1985 год

Владимир Полуэктов со старшей дочерью Татьяной. 1960 год

Анна Полуэктова на конкурсе бальных танцев. Норильск. 1985 год

Владимир Евгеньевич Полуэктов

Продолжение строительной и научной деятельности в Норильске

В начале шестидесятых годов, когда проблема снегозащиты комбината была практически решена, мне было предложено заняться проблемой фундаментостроительства на вечной мерзлоте. Я был назначен начальником строительного управления «Фундаментстрой» (1962–1964).

В чем заключаются особенности строительства и эксплуатации зданий на вечномерзлых грунтах? Образно говоря, Норильск стоит на замерзшем болоте, грунт которого имеет незначительную отрицательную температуру, всего минус два – минус четыре градуса. Стоит этому грунту растаять – и все возведенные на нем сооружения потеряют устойчивость.

До того времени все промышленные здания строились на столбчатых фундаментах, возводимых на скальном основании, независимо от глубины залегания. Под каждый фундамент вынимался грунт в колодце размером 2х2 м, глубина которого нередко достигала 70 м. Работа производилась зимой, вручную отбойным молотком, вручную же из котлована грунт насыпался в бадью и поднимался лебедкой. В каждом котловане работали один-два человека, которые спускались и поднимались по веревочной лестнице. Все это было опасно и невероятно трудно.

Свою деятельность я начал с разработки технологии устройства так называемых буроопускных свай-стоек: в пробуренные скважины опускались сваи, которые упирались торцом в твердый слой грунта и служили сваями-стойками под зданием. Для этого разрабатывались конструкции железобетонных свай длиной до 50 м, то есть на глубину заложения скального основания. Была разработана применяемая до сих пор конструкция усиленных свай размером 40х40 сантиметров квадратного сечения. Они имеют фаски* по восемь

* Фаска – поверхность, образованная скосом торцевой кромки материала.

сантиметров и опускаются погружением в буровые скважины круглого сечения диаметром 55 сантиметров. Мы провели статические испытания двенадцати таких свай под действующим зданием ординарными и спаренными домкратами мощностью 500 тонн, что дало возможность определить фактическую несущую способность каждой сваи в зависимости от заполнения бетонным раствором. Выяснилось, что при опускании свай в «обсадные» стальные трубы их грузоподъемность увеличивается до 2000 тонн.

Решив этот вопрос, я перешел в научно-исследовательскую лабораторию, которая была в составе научного отдела Красноярского института ПромстройНИИпроекта, в качестве ее заведующего. В этой лаборатории работал до своей смерти замечательный человек и ученый Михаил Васильевич Ким, который, будучи заключенным Норильлага, впервые теоретически разработал и внедрил принцип консервации вечной мерзлоты путем приподнятия перекрытия над продуваемыми подпольями. Он также обосновал и внедрил свайные фундаменты, за что стал лауреатом Ленинской премии. Михаилом Васильевичем была построена подземная лаборатория на глубине до 14 метров, в которой мы проводили натурные испытания свай различных конструкций, а также работали над вопросом обеспечения твердения монолитного бетона в непосредственном контакте с вечномерзлыми грунтами.

Вечная мерзлота весьма коварна и в зависимости от обращения с ней может стать либо союзником, либо врагом. Основными условиями для надежного устройства зданий являются: исключение тепловыделений зданий на мерзлый грунт и полное исключение проникания в грунт подполий поверхностных вод, и особенно воды, сбрасываемой из канализационных и отопительных систем.

В этих целях устраивается продуваемое подполье с планировкой грунта под зданием и на прилегающей территории с уклоном от здания. Наши обследования температуры грунтов в застроенной части города, отражающие состояние вечной мерзлоты, доказали надежность и правильность принятых методов строительства.

Однажды, во время воскресной прогулки по городу, я обратил внимание на появившиеся трещины в бетоне свай и рандбалке*. При детальном обследовании выяснилось, что за двадцать лет эксплуатации зданий на сваях бетон подземной части начал разрушаться, и более того, это явление носит массовый характер. В связи с этим, начиная с 1976 года, нами было разработана новая методика по изучению механизма разрушения бетона подземных конструкций и мероприятий по их защите и восстановлению.

Наиболее эффективными научными результатами нашей лаборатории являются: конструкции и технология устройства свай-стоек с несущей способностью до 800 тонн для промышленных сооружений, снижающих стоимость фундаментов на 30–40%; конструкция свай на искусственном основании из уплотненного щебня, повышающая несущую способность грунта в 3–4 раза; кроме того мною разработана новая конструкция трубобетонных буронабивных, сборно-монолитных и составных свай и свай глубокого заложения.

Внедрение в практику строительства разработанных в лаборатории научных идей только за последние 10 лет принесло экономический эффект свыше 7 миллионов рублей.

Здесь уместно упомянуть также о работе в тесном сотрудничестве с норильскими проектировщиками и строителями по разработке и широкому применению свай с верхним морозостойким неразрушающимся элементом.

Мною издано три монографии, несколько десятков статей, которые опубликованы в нашей стране и за рубежом – в США и в Канаде.

В январе 1986 года коллектив нашей лаборатории и отдела дружно и очень тепло отпраздновал мой юбилей – 75-летие вместе с 55-летием трудовой деятельности. На банкете было много гостей и товарищей по работе. На память мне остались адреса, фотографии, стихи, рисунки, грамоты. Я прожил в Норильске почти 40 лет и, уезжая в Москву

* *Рандбалка* – балка, опирающаяся на столбчатый или ленточный фундамент и воспринимающая нагрузку от стены.

на «заслуженный отдых», с грустью оставил своих друзей и учеников.

Подытоживая свою жизнь, на юбилее я сказал, что я всегда жил, борясь с ретроgrадами, часто рискуя, но всегда принимал решения, основанные на знании теории, которая помогала практике, и таким, по-моему, должен быть настоящий ИНЖЕНЕР.

В 1987 году я закончил свою трудовую деятельность.

Послесловие

Сейчас, в мае 1988 года, оканчиваю свои записки в больничной палате. Передо мной открытое окно в цветущий сад, на столе моя любимая сирень как воспоминания о юности... Я еще раз окидываю мысленным взором прошлое и хочу сказать, что в жизни, конечно, много мрачного и злого, но и много прекрасного, и больше всего меня трогают людская сердечность и доброта.

5 апреля мы в палате подняли тост за 36-летие нашей жизни с моей Лялей, которой теперь придется одной заботиться о семье... С нами вместе мой любимый племянник Алеша и его жена Лидочка, одарившая меня в тяжелое время таким теплом, что я от всего сердца полюбил ее, как самого родного человечка.

Здесь меня окружают чуткие прекрасные врачи и сестры, за все заботы ВСЕМ БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

Аннушке я написал отдельно, а для внуков – эти записки.

Еще и еще раз, несмотря ни на что, я повторяю: СПАСИБО ТЕБЕ, ЖИЗНЬ!

Лариса Назарова

Предки и потомки

Полуэктовы

Род Полуэктовых происходит от венгерского полководца по имени Радша, жившего в XII веке и «выехавшего к Благоверному Великому князю Александру Невскому из Седмиградской земли, мужа честна именем Радши, от коего пошли роды Пушкиных и Бутурлиных. Сей Радша имел праправнука Полуехта Ивановича, коего потомки Полуехтовы служили Российскому Престолу в боярах, стольниках, воеводах и в иных чинах и жалованы были от Государей поместьями. Все сие доказывается справками архивов: Разрядного, коллегии Иностранных дел и родословною Полуэктовых, означенными и присланной из Московского дворянского собрания родословной книги» (из книги «Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской империи», составленный Александром Бобринским, С.-Петербург, 1890, типография М.Ю. Стасилевича, т. I).

В роду Полуэктовых было много прославленных людей, служивших России.

Выписка из Родословной книги князя Долгорукова: «Кавалер ордена Святого Георгия 3 класса Борис Владимирович Полуэктов, генерал-лейтенант, умер в 1843 году, его младший брат Всеволод Владимирович Полуэктов, поручик Преображенского полка, убит в сражении в 1806 году при Аустерлице».

Портрет Бориса Владимировича Полуэктова находится в галерее героев Отечественной войны 1812 года в Зимнем дворце.

У старшего брата Володиного отца Вячеслава Григорьевича был сын Евгений и внуки Кирилл и Ольга. У второго брата, Вадима Григорьевича, была дочь Софья Вадимовна

и три сына: Григорий, Алексей и Кирилл, с которым в юности очень дружил Володя. Он также дружил с мужем Софьи Владимовны Владимиром Федоровым, который увлекался фотографией и оставил о себе память в нашем семейном альбоме. Алексей Полуэктов и Владимир Федоров похоронены на семейном участке Ваганьковского кладбища.

Коншины

Коншины принадлежали к старинному роду серпуховских посадских людей, известному с XVI столетия: фамилия их (Конша) уже упоминается в Серпуховской Сотной книге 1552 года.

В 1831 году фабрикант Максим Алексеевич Коншин с сыном уже участвовал в промышленной выставке в Москве и получил за свои изделия первую награду. Сохранилось описание его бумаго-миткальной и набивной фабрики за 1838 год.

С семидесятых годов XIX века фабрики перешли в собственность Николая Николаевича Коншина

В 1882 году, в воздание заслуг на поприще отечественной промышленности в течение двухсот лет, род Коншиных возведен в потомственное дворянство.

Дело фабрикантов Коншиных постоянно росло, ширилось. В 1913 году на Коншинских фабриках было занято одних рабочих, не считая прочих служащих, около 14 тысяч человек.

При фабриках имелись большие спальни для рабочих, оборудованные по всем правилам гигиены, собственные дома с квартирами для служащих, рабочий поселок с 350 отдельными домиками, харчевые лавки с хлебопекарней, больницы, школы, театр, место для гуляний и гимнастики.

Дед Володиной матери Капитолины Николаевны Николай Николаевич старший имел от первого брака с Александрой Яковлевной Карачаевой двоих детей: отца Капитолины Николаевны и дочь. Второй брак был заключен с Ольгой Николаевной Добрыниной, с которой у него было еще семь

детей. Среди них была дочь Евгения (1868–1942), вышедшая замуж за хирурга С.П. Федорова. Семейное предание сохранило память о Сергее Николаевиче, который содержал конный завод в Серпухове. Он имел большие достижения в племенном деле, его рысаки успешно участвовали в скачках, а его знаменитая в свое время лошадь по имени Прости стала героиней одного из рассказов Куприна.

Отец Капитолины Николаевны Николай Николаевич средний был женат на Варваре Петровне Добрыниной (двоюродной сестре Ольги Николаевны). У них было пятеро детей. Мать Володи была старшей дочерью. Вторым был брат Николай. В конце 1920-х годов его сын Анатолий был арестован и в ссылке женился на польке, которая умерла, оставив ему годовалую дочь Татьяну. От второго брака у него была еще одна дочь Елена. Татьяна – музыкант по образованию, она живет в Калининне с дочерью Эвой. Николай Николаевич младший с женой Екатериной Петровной Рубен имели четырех сыновей. Двоюродный брат Володи Сергей десять лет, с 1937 по 1947 год провел в тюрьмах и в лагерях, а затем был выслан на Колыму. Лишь после 1956 года он переехал со своей семьей во Владимир. Жизнь сурово обошлась с ним. Он был талантливым музыкантом, учеником Игумнова. Его дети наследовали художественные наклонности отца. Так, его сын стал драматическим артистом, он женат на актрисе, оба они играют в театре и живут в Смоленске. Их дети: Михаил – преподаватель в музыкальной школе, Елена – композитор, о Екатерине известно, что она вышла замуж в Ленинграде за родственника Блока.

Николай Николаевич старший умер в 1917 году. Его тело перевезли из Москвы в Серпухов, где был объявлен траур. Похоронили его в красивом коншинском склепе, который впоследствии был разорен и уничтожен.

Прохоровы

Основатель Трехгорной мануфактуры Василий Иванович Прохоров был сыном крестьянина из Троице-Сергиевой

Лавры. Мальчиком его отдали учиться на пивовара. Став взрослым, он оставил этот промысел и занялся ситценабивным делом. В 1799 году совместно с мастером красильного дела Резановым он построил в Москве на холмах, носивших название «Три горы», ситценабивную мануфактуру. С тех пор и до революции семнадцатого года Прохоровы расширяли свое производство.

Замужество старшей сестры Евгения Григорьевича Полуэктова Татьяны с Николаем Ивановичем Прохоровым сблизило семьи, дружбу они сохранили на всю жизнь.

Володин дед, Николай Иванович Прохоров, родился в Москве в 1860 году, учился на юридическом факультете Московского университета, по окончании которого вступил в правление Прохоровской мануфактуры. Руководил ею до 1915 года, до последних дней своей жизни.

Он был женат на Анне Александровне Алексеевой (тетке Станиславского). У них были дети: Сергей, Любовь, Ани-сья, Варвара и Николай.

Анисья Ивановна вышла замуж за воронежского генерал-губернатора Алехина, и у них был сын Александр (Тиша) Алехин – знаменитый шахматист. Дочь Варвары Ивановны была замужем за Соколовым (потомком Эвелины Ганской, жены Оноре де Бальзака), и у них была дочь Милица Сергеевна, вышедшая замуж за Генриха Густавовича Нейгауза, профессора Московской консерватории и знаменитого пианиста. Милица Сергеевна предсказала нашу судьбу, способствовала знакомству и принимала активное участие в нашей с Володей свадьбе.

Николай Иванович Прохоров и его жена Татьяна Григорьевна Полуэктова имели восьмерых детей: Ивана, Александру, Тамару, Григория, Тимофея, Людмилу, Владимира и Татьяну – Володиных двоюродных братьев и сестер. Все они были намного старше его, так как их мать была первой в семье, а его отец последним ребенком, а он был в семье самым младшим. Так что они были как бы из разных поколений, и их дети, племянники и племянницы были ближе к Володе и дружили с ним.

Иван был женат на Надежде Николаевне Гучковой, и у них была дочь Вера, ныне преподаватель в Институте иностранных языков. Володя также дружил с дочерью сестры Надежды Николаевны Любочкой – Любовью Николаевной Висковской, которая стала нашей с ним «свахой».

Сын Александр был женат на баронессе Марии (Муци). Они уехали после революции в Париж.

У Тамары Николаевны был муж Лежнев, был сын и внуки. Ее сын Сергей был воспитан у родных на Валдае. Григорий уехал в Париж и там умер. Тимофей погиб на Соловках. Людмила и Татьяна жили на Валдае, Владимир – в Париже.

После революции все члены семьи страдали. Так, Татьяна Григорьевна Прохорова оставила фабрику, дом, ушла куда глаза глядят бродить по Москве из боязни, что ее приговорят к расстрелу; но о ней забыли, и она осталась жива и приблизилась к брату Вячеславу на его квартиру в Долгом переулке.

Младшая дочь Татьяна была арестована в 1923 году семнадцатилетней девочкой с косичкой. Когда она сидела в Бутырской тюрьме, надзиратель Суслов, жалея ее, неожиданно положил ей на нары ветку сирени... Впоследствии она вышла замуж за переводчика Михаила Васильевича Линда, который около 20 лет провел в лагерях и ссылках; они поселились на Валдае и растили ныне здравствующих сына Пантелея и дочь Наталью.

Федоров

Большое влияние на становление личности Владимира имел дальний родственник (дядя, как его называл Володя) Сергей Петрович Федоров, о котором он всегда вспоминал с любовью и благодарностью.

Сергей Петрович был выдающимся человеком – ученым, создавшим школу русской хирургической урологии, великолепным диагностом, смелым в своих решениях практикующим хирургом. А. Бек написал о нем повесть «Счастливая рука». Имевший большой международный авторитет в медицинском мире, Сергей Петрович вскоре после рево-

люции сделался первым лектором Военно-медицинской академии в Ленинграде, а до того он был лейб-хирургом царя и лечил наследника от тяжелой болезни несвертываемости крови. На фотографии он запечатлен в форме свитского генерала. После начала Первой мировой войны сопровождал Николая II и цесаревича Алексея в поездках на фронт и присутствовал при отречении Николая II. Этого было достаточно для его ареста в 1921 году. Его держали в тюрьме и уже готовы были расстрелять, но за него вступились ученики и германское медицинское общество. Когда один из учеников, которого принял Дзержинский по просьбе вдовы Карла Либкнехта Софьи, сидел в кабинете, случайно вошел Серго Орджоникидзе. Узнав, что речь идет о Федорове, он вступился за «царя хирургов» – будучи фельдшером по образованию, Серго Орджоникидзе учился по его учебникам и знал о его славе как хирурга фронтовых госпиталей. Это решило судьбу Сергея Петровича: его освободили из тюрьмы, но не разрешили вернуться домой, оставили «в ссылке в Москве», как он шутил.

Через несколько лет, когда Орджоникидзе тяжело заболел, Сергей Петрович его оперировал, хотя официальное заключение медицинской комиссии исключало операцию. Смелость Сергея Петровича спасла Орджоникидзе жизнь.

Сергей Петрович много работал как хирург и написал тысячестраничный учебник по урологии, не потерявший значения до наших дней. Через несколько лет ему позволили вернуться домой, и он уехал в Ленинград.

Задолго до революции Сергей Петрович участвовал в освоении побережья Кавказа и выбрал живописное место Гагры для превращения его в климатический курорт. Финансировал работы принц Ольденбургский. Были осушены болота и высажен парк из экзотических деревьев и кустарников, собранных со всего света; растения были подобраны таким образом, чтобы круглый год в парке благоухали цветы. В Голландии были закуплены красивые здания, разобранные на месте, перевезенные и собранные на побережье. Перед революцией Гагры были аристократическим курортом. Парк

с вольером водоплавающих птиц и павлинов и постройки существуют до сих пор, придавая своеобразный колорит старым Гаграм.

Высоко на горе, нависающей над парком, Федоров построил для себя красивую виллу, известную нам по кинокартине «Веселые ребята». Отдыхая летом или осенью, Сергей Петрович продолжал в местной больнице свою хирургическую практику, приходя на помощь в сложных случаях. К Федорову всегда съезжалось много гостей. Его дом был и интересным, и хлебосольным, еду готовил знаменитый на всю Абхазию повар. В Гаграх собиралась художественная, творческая интеллигенция, молодежь, ученые, среди них был и великий ученый академик И.П. Павлов.

Володя вспоминал такой случай. Как-то летом он вместе с Сергеем Петровичем ехал в поезде в Гагры. На какой-то остановке в вагон вошли дюжие молодчики и, предъявив книжечку, потребовали, чтобы Сергей Петрович вышел без вещей из вагона. Поезд ушел. Володя, расстроенный, приехал на дачу с вещами без их хозяина, и все взволновались, думая, что Сергей Петрович арестован. Вскоре приехал веселый Сергей Петрович; оказывается, его повезли в летнюю резиденцию Сталина для медицинской консультации.

В начале тридцатых годов во время празднования юбилея Федорова, сорокалетия его научной и педагогической деятельности, 1-й хирургической клинике Военно-медицинской академии было присвоено его имя.

Сергей Петрович умер в 1936 году. Его сына Кирилла арестовали и выслали, жена Евгения Николаевна умерла от голода во время Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде.

Когда Володя в 14 лет остался без родителей, окружение – родные и знакомые, духовно богатые люди внушали ему жизненные правила и приобщали его к своему пониманию действительности. Его мировоззрение, напористость в делах, доброе отношение к людям сложились не без влияния Сергея Петровича. Бывая в Гаграх, Володя на всю жизнь полюбил южную природу. Созерцание моря вызывало у него

преклонение перед стихией и желание померяться с ней силой. В детстве он мечтал стать моряком.

У Сергея Петровича на даче была высокая лестница к вершине горы, которую он сделал, чтобы тренировать свое сердце и ноги. Под его влиянием Володя даже в жару на юге старался не пользоваться лифтом, а ходил для тренажа по лестницам.

Володя не раз рассказывал, как через много лет, когда он сидел у постели больного Сергея Петровича, тот после ухода врача указал Володе на шкафчик, полный непринятых лекарств, и сказал: «Если бы я принял все эти пилюли, меня давно бы не было в живых!» У Володи на всю жизнь сохранилось пренебрежительное отношение к «пилюлькам», которые он никогда не принимал.

Когда Володя приезжал в Ленинград, Сергей Петрович посылал за ним к вокзалу машину, и шофер понемногу учил его вождению; это сделало Володю страстным автолюбителем на всю жизнь.

Глядя на Сергея Петровича, можно было представить себе Володиного отца – та же осанка, породистость. Евгения Григорьевича дважды приглашали сниматься в кино в роли генералов в старых чеховских фильмах.

Володя жил в другое время, среди людей иного воспитания. Он любил простого человека, считая его лучше и чище современного ему интеллигента, не имеющего принципов. Духовное начало составляло основу его человеческой сущности, оно помогало ему преодолеть все превратности судьбы, все моральные и физические муки... Жестокость и грубость преступного мира, с которым он часто сталкивался, не сломили его. Они вызывали в нем страстное желание бороться и побеждать зло.

Сложный, вспыльчивый, подчас необузданный в своих проявлениях характер сочетался в нем с огромной человеческой добротой, благородством и непоколебимостью, а также удивительной покорностью судьбе...

Внутренне и даже внешне он нес в себе черты богатых натур предков.

Очень удачно написал о нем, поздравляя с семидесятилетием, его друг – архитектор Александр Александрович Сорокин*:

Судьба и годы человека
Подобны жизни корабля,
И предназначено от века
Обоим бороздить моря.

В морях людей и океанах,
Сквозь волны, бури и года,
В рассветной дымке и туманах
Стремишься к солнцу ты всегда.

Фрегат твой был в морозы спущен
В суровых числах января,
И призван он в житейской гуще
Лед сокрушить, весну творя.

С попутным ветром, сквозь ненастья,
Смелее к солнцу, сквозь туман,
Навстречу бурям, курсом к счастью
Веди фрегат свой, капитан!

Ближайшие потомки

Дети старшей сестры Татьяны, в замужестве Некрасовой: Маша – доктор искусствоведения, пишет капитальные труды по русскому народному искусству; Ольга – кандидат искусствоведения, лектор института повышения квалификации работников телевидения; Настя – доктор медицинских наук, врач-кардиолог.

Сын второй сестры Алексей, которого Владимир Евгеньевич мальчиком опекал как сына и очень любил, – ныне доктор физико-математических наук, профессор МГУ.

* Сорокин Александр Александрович (1928–2002) – художник, архитектор. В 1951 окончил Московский архитектурный институт и работал в Моспроекте. С 1956 по 1977 на военной службе; в 1978, выйдя в отставку, приехал в Норильск. Второй муж Л.Г. Назаровой.

Старшая дочь Володи Татьяна – инженер-химик, имеет двух взрослых детей – Яшу, недавно окончившего физико-математический факультет МГУ, и Мишу – студента-медика.

Наша общая дочь Анна имеет маленькую Настеньку, общую любимицу, внешне похожую на деда. Она только начинает учиться в школе.

Москва – Норильск, 1989

Приложение

«Норильский никель»

23 июня 1935 года Совет народных комиссаров СССР принял Постановление «О строительстве Норильского комбината» и о передаче «Норильскстроя» в состав НКВД СССР, что положило начало строительству на Таймыре, почти в 2000 км к северу от Красноярска, крупнейшего в стране горно-металлургического комплекса. Строительство комбината шло силами заключенных «Норильлага», переброшенных в Норильск из лагерей на Соловецких островах, большую часть которых составляли репрессированные по политическим мотивам представители интеллигенции, ученые, инженеры и религиозные деятели.

Норильский исправительно-трудовой лагерь (Норильлаг) – один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей Сибири, существовал на территории Таймыра с 1935 по 1956. Норильлаг – это не только Норильск с Дудинкой и Кайерканом, но и восьмое лагерное отделение в Красноярске, и лагерь в Подтёсово, и сельхозлагеря в Курейке, в Атаманове близ Красноярска и южнее, до самого Шушенского. С юга на север Норильлаг охватывал 4613 километров, а самая северная точка отдельного лагерного пункта (л/п) Бирули находилась на берегу Карского моря на 2000 километров севернее Норильска.

Заключенные Норильлага работали на строительстве и эксплуатации Норильского комбината, строительстве города Норильска, погрузке и разгрузке судов, строительстве и обслуживании железной дороги Валек – Норильск и Дудинка – Норильск, аэропорта «Надежда», автодорог, Красноярского аффинажного* завода, Дудинского и Красноярского портов, строительстве объектов

* *Аффинажный завод* – предприятие, специализирующееся на выплавке слитков из благородных металлов.

соцкультбыта, на сельскохозяйственных работах, в том числе в селах Курейка и Шушенское. За все время существования, через Норильлаг прошло не менее 300 тысяч заключенных, включая граждан из 22 зарубежных стран.

Руками заключенных Норильлага был построен также Дудинский порт. 2 июля 1935 в Дудинке первым начальником Норильскстроя В.З. Матвеевым был подписан приказ о начале строительных работ. В это же время экспедиция Главсевморпути произвела изыскания для выбора места под строительство причалов Дудинского порта. В навигацию 1936 года заключенными было вручную выгружено на берег более 50 тысяч тонн груза. 8 декабря 1944 открыт Дудинский порт.

Горстрой – строительство горнорудных предприятий Норильска силами заключенных особого лагеря № 2 МВД СССР «Горный» (Горлаг), организован в 1948. Заключенные Горлага выполняли тяжелые физические работы на горнорудных предприятиях Норильского комбината, на медном и механическом заводах, земляные работы на строительстве дорог и в самом Норильске.

Почти все заключенные Горлага были осуждены по 58-й политической статье, поэтому, когда за смертью Сталина последовала амнистия, распространявшаяся только на уголовников и заключенных с малыми сроками, процент которых в Горлаге был ничтожно мал, начались волнения. Усугубили ситуацию провокации лагерной администрации и охраны.

26 мая 1953 после жестокого расстрела группы заключенных в Горлаге произошла одна из самых крупных в истории ГУЛАГа забастовок – так называемое «норильское восстание». Заключенные остановили работу, вывесили черные флаги в траур по погибшим и потребовали приезда московской правительственной комиссии. В листовках, которые они распространяли, подчеркивалось, что они не идут против Советской власти, а лишь выступают против условий своего содержания. Вместо правительственной комиссии из Москвы, приехала ведомственная комиссия МВД, которая вела переговоры с представителями забастовочных комитетов и неоднократно нарушала достигнутые договоренности.

Забастовка длилась около двух месяцев, после чего руководство МВД решило прекратить ее силой. Лаготделения брались штурмом, забастовщиков расстреливали. В ночь на 4 августа 1953 Норильское

восстание было подавлено, а его руководители брошены в тюрьмы. Наиболее активные участники забастовки были этапированы в особорежимный лагерь на Колыму и содержались там в строгой изоляции от остальных заключенных.

Последствием забастовки явилось повсеместное смягчение лагерного режима, а с заключенных Горлага были сняты нашитые на одежду номера; произвол администрации пошел на убыль, а в июне 1954 был ликвидирован Горный лагерь. Через два года, 22 августа 1956 приказом министра МВД СССР был ликвидирован и Норильский исправительно-трудовой лагерь.

После смерти Сталина начались реформы, которые привели к постепенной ликвидации системы ГУЛАГа. Постановлением Совета министров СССР от 25 марта 1953 было прекращено проводившееся при участии заключенных строительство ряда крупных объектов, как не вызванное «неотложными нуждами народного хозяйства» (в число ликвидируемыхстроек попала, например, северная железная дорога Салехард – Игарка, или стройка № 503). По указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 об амнистии из лагерей массово стали освобождать заключенных. Была осуществлена попытка передать ГУЛАГ из МВД в ведение министерства юстиции.

Однако произошедшие в 1953–1954 восстания в ряде лагерей, для подавления которых применили войска, заставили отказаться от эксперимента и вернуть лагерь в ведение МВД. Тем не менее, власти пошли на ликвидацию института особых лагерей, а затем на реабилитацию жертв репрессий и массовый пересмотр дел политзаключенных. 22 августа 1956 приказом министра внутренних дел СССР Норильлаг был ликвидирован, а спустя три месяца, 25 октября 1956, вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, которое признало «нецелесообразным дальнейшее существование исправительно-трудовых лагерей МВД СССР как не обеспечивающих выполнения важнейшей государственной задачи – перевоспитания заключенных в труде». Система ГУЛАГА просуществовала еще несколько лет и была упразднена указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960.

Сейчас Норильск – самый крупный город Сибирского Севера. Он расположен на юге самого северного в мире Таймырского полуострова, за 69-й параллелью, на ее пересечении с Енисейским меридианом. По данным на 01.10.2006, в Норильске, включая

Снежногорск, проживают 211 366 человек. Первый дом Норильска был построен геологами в 1921, сам поселок стал возводиться с 1935 одновременно со строительством Норильского комбината.

Норильский городской округ включает в себя районы: Центральный (Норильск с жилым образованием Оганер), «города-спутники» Норильска Талнах и Кайеркан и поселок Снежногорск.

В 1944 грузооборот Дудинского порта составил 371,2 тыс. тонн груза, а в 1984, год 40-летия, порт впервые в своей истории переработал 6 млн. тонн груза.

До 1970 морская навигация в Дудинском порту ежегодно продолжалась 4 месяца и заканчивалась до 1 ноября. В 1970-м был осуществлен первый экспериментальный рейс на дизель-электроходе «Гижига», сопровождаемом ледоколами «Капитан Воронин» и «Капитан Белоусов», а с 1 мая 1978 с появлением ледоколов с малой осадкой, способных заходить в Енисей, началась коммерческая круглогодичная эксплуатация линии Мурманск – Дудинка на Северном морском пути. В настоящее время порт г. Дудинки является крупнейшим морским и речным портом Сибири, а также единственным в мире ежегодно затапливаемым в период весеннего ледохода.

В годы Великой Отечественной войны Норильский комбинат не только продолжал активное строительство, но и внес значительный вклад в укрепление обороноспособности страны. Норильский никель использовался как в производстве сверхпрочных бронированных сплавов для тяжелой техники, так и в сверхлегких конструкциях военной авиации.

В 1940-х создается вторая производственная площадка современного «Норильского никеля» – комбинат «Петсамоникель». Комбинат был построен в 1940 финляндской компанией «Инко» на той части территории Финляндии, которая после Великой Отечественной войны отошла к СССР. Он расположен в посёлке Никель Мурманской области.

В послевоенные годы комбинат вышел на лидирующие позиции в цветной металлургии страны: уже в 1953 комбинат производил 35 % никеля, 12 % меди, 30 % кобальта и 90 % платиноидов от общего производства этих металлов в Советском Союзе.

4 ноября 1989 Совет министров СССР принял постановление о создании Государственного концерна по производству цветных

металлов «Норильский никель». В концерн были включены Норильский комбинат, комбинаты «Печенганикель» и «Североникель», Оленегорский механический завод, Красноярский завод по обработке цветных металлов и институт «Гипроникель» (Санкт-Петербург). Эти предприятия были объединены в единый концерн на основе общей технологической схемы переработки сульфидных медно-никелевых руд.

30 июня 1993 указом президента Российской Федерации Государственный концерн по производству драгоценных и цветных металлов «Норильский никель» был преобразован в Российское акционерное общество по производству драгоценных и цветных металлов (РАО) «Норильский никель».

Краткие сведения о некоторых упомянутых в книге лицах

Завенягин Авраамий Павлович (1901–1956) – генерал-лейтенант, советский государственный деятель, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР.

Родился в семье машиниста на станции Узловая Тульской области. Окончил Московскую горную академию. В 1933–1937 директор Магнитогорского металлургического комбината. В 1938 возглавил Норильлаг – начатое в 1935 строительство Норильского горно-металлургического комбината. В 1941–1951 – первый заместитель наркома внутренних дел, осуществляющий общее руководство строительными подразделениями НКВД – Главным управлением лагерей горно-металлургических предприятий, Главным управлением лагерей гидростроя (Главгидрострой), Главным управлением лагерей промышленного строительства (Главпромстрой), Дальстроем и т. п.

В 1945–1953 Завенягин – заместитель Л.П. Берии в советском атомном проекте. В зону ответственности Завенягина входил весь цикл производства ядерного топлива и зарядов, от руды до получаемого в промышленных реакторах плутония. Под его руководством выбирались площадки и строились существующие по сей день заводы атомной промышленности – ПО «Маяк», Арзамас-16, Красноярск-26, Челябинск-70, а также Семипалатинский ядерный полигон. В 1945 штаб Завенягина провел операцию по поиску

и вывозу в СССР германских специалистов – металлургов, химиков и физиков.

Летом 1953 после расстрела Л.П. Берии и арестов его ближайших сотрудников Завенягин, знакомый с Н.С. Хрущёвым еще с двадцатых годов, удержался на своем посту и при реорганизации отрасли в Министерство среднего машиностроения СССР стал первым заместителем министра, а в феврале 1955 – министром.

В 1938–1940, будучи начальником строительства Норильского никелевого комбината, Завенягин добился решения организовать наряду с подземной открытую добычу руды, построить современный город со всем необходимым для длительного проживания людей, создать мощную проектную контору, а также осуществлять в Норильске полный металлургический цикл – от добычи руды до получения чистых никеля, меди и кобальта. Всего три года пробыл Завенягин в Норильске, однако именно ему город и комбинат обязаны своим рождением. До конца своих дней Завенягин называл себя «большевиком Норильска» и долгие годы осуществлял шефство над комбинатом, не всегда гласное.

Бюст Завенягина из черного мрамора находится в фойе главного административного здания «Норильский никель».

Зверев Владимир Степанович (1910–1982) – начальник Норильского комбината и ИТЛ НКВД СССР в 1948–1954. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, дважды – Трудового Красного Знамени.

Родился в г. Владикавказе в семье рабочего. В 13 лет устроился подручным слесаря, с 1924 по 1931 работал штамповщиком в мастерской игрушек, учеником слесаря и токарем на Садонском руднике, механиком на швейной фабрике. После окончания с отличием в 1936 Северо-Кавказского института цветных металлов работал на руководящих инженерных должностях на Балхашском и Джезказганском комбинатах.

В 1940 приехал в Норильск в составе комиссии, проверяющей работу руководства комбината (т. е. А.П. Завенягина). Зверев, имевший опыт строительства Балхашского комбината и рудников открытых работ Каунрада, отказался подписать выводы комиссии о невозможности эксплуатации рудников открытых работ в условиях Заполярья. Завенягин почти сразу предложил ему остаться

в Норильске, и Зверев был назначен на должность главного инженера Норильского комбината.

Сразу после войны по поручению Завенягина Панюков, оставаясь в должности начальника комбината, занялся организацией поиска урановых руд, оставив «за главного» в Норильске своего заместителя Зверева, который в 1948 возглавил комбинат. С его работой в должности начальника комбината связано строительство и пуск Большой обогатительной фабрики, цехов медного завода, рудника «Медвежий ручей», широкой колеи до Дудинки, проектирование города.

С 1954 Зверев работал сначала заместителем начальника, а потом начальником главка Министерства среднего машиностроения СССР. В 1957–1961 – в должности первого заместителя председателя Совета народного хозяйства.

Косарев Александр Васильевич (1903–1939) – советский государственный и партийный деятель, руководитель Всесоюзного коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ).

С 1926 в составе ЦК ВЛКСМ, в мае 1927 направлен на укрепление Московского комитета комсомола, оставаясь одновременно секретарем ЦК ВЛКСМ, с 1929 – генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ.

В июле 1929 участвовал в работе Международного антиимпериалистического конгресса молодежи во Франкфурте-на-Майне. В 1933 возглавил делегацию советской молодежи на Мировом антивоенном конгрессе в Париже, избран в Международный комитет борьбы против фашизма и войны, награжден орденом Ленина как «испытанный руководитель Ленинского комсомола, выдающегося организатора комсомольских масс в их борьбе под руководством партии за победу пятилетки». В 1935 в Париже участвовал в работе Международной конференции молодежи за мир, свободу и прогресс; возглавлял делегацию ВЛКСМ на VI конгрессе Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), в 1936 участвовал в работе Международного Всемирного объединения молодежи за мир, свободу и прогресс в Париже; во Всемирном конгрессе молодежи в Женеве. В 1937 избран членом Президиума Верховного Совета СССР. На печально знаменитом февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) выступил за предание суду и расстрел Бухарина и Рыкова. Поддерживал репрессии 1937 года.

На VII пленуме ЦК ВЛКСМ (19–22 ноября 1938) Косарев был снят с должности генерального секретаря. С трибуны он заявил: «Врагом я себя не считаю и считать не буду... Никто не может доказать, что я враг народа... Лично я чувствую себя абсолютно спокойно, потому что совесть моя чиста. Никогда я не изменял ни партии, ни советскому народу и не изменю». 1 декабря 1938 Косарев арестован и 23 февраля 1939 расстрелян.

Репрессиям были подвергнуты его жена Мария Викторовна Нанейшвили и дочь Елена Александровна Косарева. В ночь ареста мужа Марию, подбегавшую попрощаться, схватили, и без ордера на арест, в халате, увезли на Лубянку. После тяжелейшего следствия, она этапом отправлена в лагерь в Норильске. В 1947 после освобождения, она уехала к родным в Грузию; менее через год ее снова арестовали. Опять тюрьма, следствие и этап в Дудинку на «вечную ссылку». Ее дочь с 1950 находилась в ссылке в Норильске, и Мария получила разрешение переехать в Норильск, где работала в Норильском комбинате на Большой обогатительной фабрике.

Логинов Алексей Борисович (1906–2002) – директор Норильского горно-металлургического комбината с 1954 по 1957. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени.

Родился в крестьянской семье, в 1928 окончил рабфак, после чего работал грузчиком в ленинградском порту и литейщиком на заводе «Красный выборжец». В 1936 закончил Ленинградский горный институт и остался там работать в должности научного сотрудника. В 1939–1941 – главный инженер завода № 4 комбината Североникель. В 1941 приехал в Норильск, работал на комбинате, в 1948 стал главным инженером Главенисейстроя.

В 1954, ровно через 100 лет после открытия российского никеля, он возглавил Норильский горно-металлургический комбинат, став его первым директором. В 1956 Норильлаг был ликвидирован, и Логинову пришлось в массовом порядке менять кадры на свободных рабочих, съезжавшихся в Норильск со всей страны.

С 1957 и до ухода на пенсию Логинов работал в научно-исследовательском институте цветной металлургии «Гиредмет».

Нейгауз Генрих Густавович (1888–1964) – великий русский пианист и педагог, Народный артист РСФСР, кавалер ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени.

Нейгауз продолжил и развил романтическую традицию европейского «большого пианизма» в XX веке, соединив ее с достижениями русской исполнительской школы, оказал значительное влияние как артистичная личность и педагог на формирование нескольких поколений советских музыкантов.

Его первая жена Зинаида Николаевна стала вдохновительницей многих стихотворений великого поэта Бориса Пастернака и впоследствии вышла за него замуж.

Панюков Александр Алексеевич (1894–1962) – начальник Норильского комбината и исправительно-трудоустроительного лагерея (ИТЛ) НКВД СССР в 1941–1948.

Родился в Мотовилихинском районе г. Перми в семье рабоче-го. В 1928 экстерном окончил Московский промышленно-экономический техникум, позже заочно окончил два курса Ташкентского института народного хозяйства. В 1930 переведен на должность заместителя, а затем начальника строительства Уральского завода тяжелого машиностроения. В 1934 назначен заместителем начальника треста «Большой Риддер».

В 1940 переведен из промышленности в систему ГУЛАГа и возглавил Дудинский порт, а в следующем, 1941 – назначен начальником Норильского комбината.

Панюков возглавил комбинат в тяжелое военное время, несмотря на это под его руководством были построены основные цеха Большого и Малого металлургических заводов; запущена первая ТЭЦ комбината; рудник № 3/6 («Таймырский»); построена плотина на озере Долгом. Начато строительство Большой агломерационной фабрики, угольной шахты «Кайеркан». Открыты школа фабрично-заводского обучения, Норильский горно-металлургический техникум, Заполярный театр драмы, Дом инженерно-технических работников.

Сразу после войны по поручению А.П. Завенягина Панюков, оставаясь в должности начальника комбината, занимается организацией поиска урановых руд на территории Восточной Сибири и Дальнем Востоке. С 1949 назначен начальником только что созданного Главного управления МВД СССР по разведке и эксплуатации предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае «Енисейстрой», организации, проведшей большие поисково-геологические работы по урану.

В 1948–1950 Панюков в качестве замминистра внутренних дел СССР курировал работу Специального главного управления, 5-го и 6-го спецотделов Дальстроя. В 1954 после краха системы ГУЛАГа Панюков был уволен в запас.

Потапов Михаил Георгиевич (1893–1954) – инженер путей сообщения, изобретатель.

Работал на железных дорогах, в конце 20-х зарегистрировал свое первое изобретение (лопату для земляных работ). В 1932 одно из изобретений Потапова – «травосжигалка» – заинтересовало маршала Тухачевского и было внедрено в оборонную промышленность.

В 1937 арестован «за участие в контрреволюционной группировке», а также за связь с опальным маршалом и осужден на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. В Норильлаг прибыл в 1939 из Соловков. Работал старшим инженером технического отдела. Занимался усовершенствованием методов борьбы со снегом. В связи с этим внес целый ряд рационализаторских предложений. Осенью 1940 Потапову поручили организовать систему снегозащиты в Норильске, его группа с 1943 стала называться опытно-исследовательской станцией. В 1944 по ходатайству Завенягина досрочно освобожден без права выезда.

31 августа 1950 Потапов был уволен «за невозможностью дальнейшего использования» и уехал в Канск, где его вторично арестовали и приговорили к вечной ссылке в Красноярский край. Благодаря дочери ему разрешили отбывать ссылку в Норильске.

В 1954 Потапов получил разрешение переехать в г. Черногорск (Хакассия) и там через два месяца – 9 мая – умер.

Смоктунувский Иннокентий Михайлович (1925–1994) – великий драматический актер, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, исполнитель ролей в 90 фильмах и свыше 50 спектаклях.

Родился в Томской области в крестьянской семье. Во время коллективизации семья переехала в Красноярск, там в 14 лет Иннокентий Смоктунувский впервые познакомился с театром. После начала войны Смоктунувский поступил в военное училище, попал на фронт. Был в плену, бежал, вернулся в армию, дошел до Берлина. После войны учился в студии при Красноярском драматическом театре.

С 1946 по 1950 жил и работал в Норильске, куда приехал добровольно, спасаясь от ареста как бывший военнопленный. В Норильском театре сыграл множество ролей и на всю жизнь подружился с актером, бывшим лагерником, Георгием Степановичем Жженовым.

Урванцев Николай Николаевич (1893–1985) – исследователь Арктики, доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки и техники России. Автор многих научных трудов, главные из которых посвящены исследованию геологии Таймыра, Северной Земли и севера Сибирской платформы. Родился в городе Лукоянове Нижегородской губернии в небогатой купеческой семье. Окончил Томский технологический институт.

Под влиянием лекций профессора В.А. Обручева и его книг «Плутония» и «Земля Санникова» перевелся с механического на горное отделение. Окончив институт в 1918, когда в стране шла Гражданская война, Урванцев поступил на работу в Сибирский геологический комитет и через год был командирован в район нынешнего Норильска на разведку каменного угля для кораблей Антанты, доставляющих оружие и боеприпасы Колчаку.

В 1920 экспедиция Урванцева на западе полуострова Таймыр в районе реки Норильской обнаружила очень богатое месторождение каменного угля. В 1921 было открыто богатейшее месторождение медно-никелевых руд с высоким содержанием платины.

В 1921 на том месте, где теперь расположен город Норильск, был построен бревенчатый дом, который сохранился и поныне. На нем мемориальная доска с надписью: «Первый дом Норильска, построенный первой геологоразведочной экспедицией Н.Н. Урванцева летом 1921 года». В этом доме Николай Николаевич провел первую зимовку, исследовал все окрестности Норильска и составил подробную карту.

Месторождения угля и меди в западной части Таймыра были обнаружены енисейским атаманом А.А. Сотниковым в 1915, однако исследования были прерваны из-за Первой мировой войны. В 1919 Сотников организовал экспедицию по изучению месторождения угля, а также для проведения гидрографических работ по организации перевалки угля в Усть-Енисейском морском порту.

Острая необходимость в угле была вызвана потребностями снабжения Белой армии (железнодорожное сообщение через

Дальний Восток не могло их обеспечить). В состав экспедиции от созданного в Томске Сибгеолкома был включен и Н.Н. Урванцев.

Экспедиция выполнила свои задачи и в октябре 1919 доложила об ее результатах. В декабре Сотникова направили в Иркутск, где он был по ложному доносу арестован и расстрелян без суда по постановлению ГубЧК в мае 1920. Имущество, в том числе материалы на открытые месторождения, было конфисковано. Реабилитирован посмертно в 1998.

Н.Н. Урванцев впоследствии бездоказательно указывал (возможно, чтобы обезопасить себя), что направление в экспедицию на Таймыр ему выдал лично В.И. Ульянов-Ленин. Эта легенда была положена в основание истории горных разработок на Таймыре, ставшей во 2-й половине XX века канонической в советской историографии. Преувеличение роли Урванцева в исследовании месторождений Таймыра неоднократно подвергалось обоснованной критике.

В 1920–1926 Урванцев руководил разведывательными работами в Норильском районе. В эти годы открыты месторождения медно-никелевых руд, нанесена на карту вся система Норильских гор. С 1928 Урванцев исследовал глубинные районы Таймыра, в 1930–1932 – научный руководитель Североземельской экспедиции.

В сентябре 1938 Урванцев был арестован, дважды (в 1939 и 1940) осужден, второй раз – приговором Особого совещания НКВД СССР на 8 лет ИТЛ. В 1942 переведен из Актюблага в Норильлаг, где продолжил руководить геолого-поисковыми работами. После досрочного освобождения в 1945 руководил геологической службой комбината.

С 1954 работал в НИИ геологии Арктики в Ленинграде, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, почетный гражданин Норильска и Лукоянова, автор 4 книг и более 150 статей.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – русский публицист и политический деятель

Василий Витальевич Шульгин родился в Киеве в 1878, умер в 1976 во Владимире 98 лет от роду.

Крупнейший волынский помещик, он трижды избирался в Государственную Думу, где возглавлял монархическую фракцию. Шульгин вместе с А.И. Гучковым принимал отречение от престола царя Николая II и после революции эмигрировал во Францию.

В декабре 1925 – феврале 1926 Василий Шульгин для налаживания связей с контрреволюционным подпольем и в надежде разыскать своего младшего сына нелегально приезжал в Советскую Россию по приглашению подпольной антисоветской организации «Трест», на самом деле находившейся под полным контролем Главного политического управления (ГПУ).

Только впоследствии Шульгин узнал, что его «тайный» переход через границу был организован чекистами. Побывал в Киеве, Москве и Ленинграде; по возвращении опубликовал книгу о своих впечатлениях «Три столицы: Путешествие в красную Россию» (Париж, 1927), отмечая в ней позитивные сдвиги после Октября, в том числе и в экономике. Когда выяснилось, что «Трест» был созданием ГПУ и Шульгина все время «вели» его агенты, он отошел от политической деятельности.

В конце 1930-х он поселился вместе со своей третьей женой Марией Дмитриевной Синельниковой в Югославии, в тихой деревушке недалеко от Белграда. В октябре 1944 Сремские Карловцы, где жил Шульгин, были освобождены Советской Армией. 24 декабря 1944 Шульгин был доставлен в югославский город Нови-Сад, задержан советской контрразведкой и отправлен самолетом в Москву. Его осудили на 25 лет; срок он отбывал во Владимирской тюрьме, где пробыл 12 лет и где его содержали вместе с пленными немецкими и японскими генералами, с поэтом и философом Даниилом Андреевым, князем Долгоруковым.

В 1956 его досрочно освободили и направили в дом инвалидов в Гороховце. К нему приехала из Венгрии жена, а с 1960 они стали жить во Владимире в отдельной квартире. Шульгин писал и публиковал «Письма к русским эмигрантам», призывал их вернуться на родину, снялся в фильме «Перед судом истории».

До конца жизни Василий Шульгин продолжал писать и диктовать воспоминания, стихи, философско-мистическую прозу. Цензурованная часть его мемуаров «Годы: Воспоминания бывшего члена Государственной Думы» была опубликована в 1979.

В конце 1980-х стала возможна публикация его мемуаров без купюр. В 2010 вышла книга «Тюремная Одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного» (М.: Русский путь; 2010).

Владимир Евгеньевич Полуэктов

Взгляд в прошлое

Воспоминания

Редактор *С.С. Виленский*
Художник *Р.М. Сайфулин*
Корректор *А.Г. Мордвинцев*

Подписано в печать 8.12.2010. Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Копина». Печ. л. 8 + 0,75.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ № 2480.

Издательство «Возвращение»
Тел. (499) 196 0226
E-mail: vozvrashchenie@bk.ru
www.vozvrashchenie-m.ru

ISBN 978-5-7157-0239-9

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Звезда»
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34

Написанные кратко и скупо воспоминания потомка древнего дворянского рода узника Норильского лагеря Владимира Полуэктова читаются как авантюрный роман. При этом в них точно и зримо отражен советский период российской истории.